
Развод в 45.
Генерал, мне нужен любовник
Ливия Норвейн

Ливия Норвейн

Развод в 45. Генерал, мне нужен любовник

«Автор»
2026

Норвейн Л.

Развод в 45. Генерал, мне нужен любовник / Л. Норвейн — «Автор», 2026

- Я хочу вернуть жену- А мне нужен любовник, генералВ сорок пять я развелась с мужчиной, которого все еще любила и хотела, потому что за двадцать четыре года брака устала уступать, ждать и говорить «ничего страшного», когда на самом деле было больноТеперь у меня своя квартира, свои планы и бывший муж, который впервые за много лет волнуется перед встречей со мнойЯ знаю его руки, голос, каждый взгляд, но от его поцелуев по-прежнему теряю голову и однажды сама прошу остаться, только утром он уезжает к себе, а я больше не отменяю собственные дела ради его удобстваПавел согласился стать моим любовником, уверенный, что рано или поздно вернет жену, ведь я все еще люблю его и мне трудно отпускать его после каждой встречиНо мне предлагают работу в другом городе, и на этот раз я собираюсь сказать «да»Готов ли генерал изменить собственные планы ради женщины, которая столько лет меняла ради него свои?

© Норвейн Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Развод состоялся 5
Глава 2. Квартира без ожидания 18
Глава 3. Первое свидание после развода 38
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Ливия Норвейн
Развод в 45. Генерал, мне нужен любовник

Глава 1. Развод состоялся

Павел застегнул на мне верхнюю пуговицу пальто уже после того, как мы развелись.

Я позволила. Стояла перед ним в коридоре, прижимала к себе сумку и смотрела, как его пальцы справляются с тугой петлей. Он всегда застегивал ее быстрее меня. В прошлом году я даже собиралась отнести пальто в ателье, чтобы петлю немного расширили, но так и не собралась.

— Шарф где? — спросил он.

— В сумке.

— На улице ветер.

Я кивнула и полезла за шарфом. Зацепила перчатку застежкой сумки и уронила. Павел поднял ее раньше, чем я успела наклониться.

За дверью кабинета сотрудница уже разговаривала со следующими посетителями. Несколько минут назад она попросила меня проверить данные в свидетельстве. Я прочла свое имя, фамилию, даты. Нашла глазами строчку о расторжении брака и перечитала ее дважды.

Ошибок не было.

Павел протянул мне перчатку.

— Документ убрала?

— Да.

— В папку бы. Помнется.

Я открыла сумку и показала прозрачный уголок, в котором лежало свидетельство.

— Убрала, Паша.

Он посмотрел на меня, потом отвел глаза.

На нем было темно-серое пальто, которое мы выбирали в ноябре. Тогда я принесла в примерочную еще одно, подороже, и попросила хотя бы надеть. Павел терпеливо надел, повернулся перед зеркалом и сказал, что в таком его можно сразу отправлять руководить похоронами. Я засмеялась так громко, что продавщица заглянула за штору.

Сейчас он стоял рядом в том самом пальто. Знакомый наклон головы, коротко подстриженные волосы с сединой у висков. Под воротником виднелся край синего шарфа. Его я тоже покупала.

Я поправила на себе сумку.

— Пойдем?

Павел придержал дверь. Я вышла первой.

На ступеньках было скользко. За оградой темнел старый снег, вдоль тротуара тянулась вода. Март только начался, и утренний свет еще не делал город весенним. Я осторожно переставила ногу на сухое место, а Павел сразу взял меня под локоть.

Захотелось прижаться к его руке. Пройти так до машины, пожаловаться на холод, спросить, купил ли он кофе. Несколько секунд побыть женщиной, которой никуда не нужно уходить.

— Здесь лед, — сказал он.

— Вижу.

Я высвободила руку уже на тротуаре.

Он достал ключи от машины.

— Заедем домой?

Я посмотрела на него.

— За вещами, — поправился Павел. — Коробки готовы.

— Заедем.

С утра я собиралась вызвать такси. Даже открыла приложение, пока ждала его в коридоре. Потом вспомнила о книгах, о том, что все равно придется подниматься в нашу квартиру, и убрала телефон.

Я не хотела превращать этот день в доказательство, что могу сама перенести три тяжелые коробки.

У машины Павел открыл передо мной дверь. Я села, положила сумку на колени. Пока он обходил капот, достала перчатки и снова убрала.

Подогрев сиденья включился почти сразу после того, как он завел двигатель.

— Не надо на максимум, — сказала я.

Павел убавил.

Все это мы проделывали сотни раз. Он включал сильнее, я просила убавить. Зимой у меня мерзли ноги, но от слишком горячего сиденья быстро становилось неуютно.

Я отвернулась к окну.

— Ты завтракала?

— Немного.

— Это сколько?

— Йогурт.

Павел помолчал.

— Можем где-нибудь поесть.

— У меня к вечеру правка.

— Пообедать все равно надо.

— Я пообедаю.

Он не стал продолжать. Включил поворотник, дождался просвета между машинами.

Впервые за утро мне стало по-настоящему страшно.

Мы уже развелись. Он не скандалил, не отказывался подписывать бумаги, не грозил оставить меня без денег. Мы заранее договорились об имуществе, разобрали документы, обсудили все со специалистом. Я получила свою часть средств. У меня была работа, отдельное жилье, взрослая дочь.

Никто не мешал мне уйти.

Но стоило Павлу спросить, ела ли я, как я начинала вспоминать все причины остаться.

— В квартире тепло? — спросил он.

— Да.

— Ты говорила, от окна дует.

— Хозяйка прислала мастера. Поправили.

Он коротко кивнул.

Я ждала вопроса, почему не позвонила ему. Павел его не задал. От этого стало немного легче.

Первые вещи я перевезла шесть недель назад. Сняла небольшую квартиру в получасе езды от нашей, чтобы не менять сразу все привычные маршруты. В первый вечер долго не могла найти выключатель в ванной. Во второй поняла, что в магазине у дома нет кофе, к которому я привыкла.

На третий Павел написал, что задержится в учебном центре.

Я ответила: «Хорошо. Поешь там».

Потом сидела с телефоном в руке и перечитывала собственные слова.

Он продолжал иногда сообщать, где находится и во сколько освободится. Я отвечала. За двадцать четыре года это стало таким же привычным, как проверять перед сном, выключен ли свет на кухне.

В машине зазвонил телефон.

На экране высветилась фамилия Калинин.

Павел нажал кнопку на руле, сбросил вызов. Через несколько секунд пришло сообщение. Он не стал его читать.

— Можешь ответить, — сказала я.

— Потом.

И я сразу, к собственной злости, почувствовала благодарность.

За то, что мужчина, который только что перестал быть моим мужем, не разговаривал с другом, пока вез меня за вещами.

Я крепче сжала ручки сумки.

— Марин.

— Что?

— Ты так и будешь всю дорогу молчать?

Я повернулась к нему.

— А о чем ты хочешь поговорить?

— Не знаю. О чем-нибудь.

В его голосе слышалось раздражение. Павел смотрел на дорогу, пальцем постукивал по рулю. На правой руке под большим пальцем оставался светлый шрам. Лет десять назад он порезался, когда собирал Алисе стеллаж, и потом возмущался, что в упаковке нет нормального инструмента. Дочь принесла ему детский пластырь с зайцами. Он ходил с этим зайцем до вечера.

Я посмотрела на шрам и сглотнула.

— У меня в тексте два раза похоронили одного человека, — сказала я.

Павел быстро взглянул на меня.

— Что?

— Автор перепутал деда с прадедом. В одной главе дед умер до войны, а в другой провожает внука в институт.

Он чуть усмехнулся.

— Крепкий дед.

— Очень. Дожил до ста тридцати двух лет.

Мы замолчали.

— Ты помнишь, как мы договаривались по четвергам ужинать вдвоем? — спросила я.

Павел выдохнул через нос.

— Помню.

— Ты сам выбрал четверг.

— Марина...

— Я не начинаю ссору. Просто ты спросил, о чем говорить.

Он убрал палец с руля.

— Я помню.

Прошлой весной я предложила один вечер в неделю оставлять для нас. Не для гостей, не для Алисиных дел, не для поездок к его матери. Просто ужин. Иногда дома, иногда где-нибудь еще.

Павел согласился сразу.

Первый четверг получился хорошим. Мы пошли в маленький ресторан, который я давно приметила. Он заказал слишком много еды, потом уговаривал меня помочь ему с десертом.

На обратном пути шел дождь. Мы бежали к машине, и я смеялась, потому что Павел, никогда не забывавший зонта, оставил его в багажнике.

На следующей неделе он приготовил рыбу.

На третьей написал в половине седьмого: «Давай перенесем. Ребята задержали».

Я уже накрасилась. На столе стояли два бокала.

Я тогда ответила: «Давай».

Нового дня мы не выбрали.

Через неделю я спросила сама. Еще через две напомнила утром. Потом снова услышала, что можно ведь поужинать завтра, какая разница.

Разница постепенно стала слишком большой, чтобы объяснять ее за ужином.

— Я ведь приходил домой, — сказал Павел.

— Да.

— Мы виделись каждый день.

Я посмотрела на его профиль.

— Ты приходил. Я спрашивала, будешь ли есть. Ты говорил, что уже поел. Потом мы обсуждали, что надо сделать.

— Не только это.

— Не только.

Он повернулся ко мне, будто ждал продолжения.

Я не собиралась отнимать у нас хорошие вечера. Они были. Были поездки, разговоры в машине, ночи, после которых я просыпалась с его рукой на талии и думала, что зря себя накручиваю. Еще совсем недавно стоило ему обнять меня на кухне, как я забывала, с какой обидой собиралась к нему подойти.

Именно поэтому я так долго не уходила.

Светофор сменился. Павел тронулся.

— Я думал, после отставки будет проще, — произнес он.

— Я тоже.

Павел вышел в отставку в звании генерал-майора полтора года назад. Сначала я радовалась даже тому, что на кухне появлялась вторая чашка посреди рабочего дня. Он ходил по квартире, проверял окна, разбирал бумаги, предлагал съездить за продуктами. Первые недели я почти не работала.

Потом его стали приглашать вести занятия. Он встречался с бывшими сослуживцами, помогал знакомым, ездил на мероприятия. Это была его жизнь, и я не хотела, чтобы он от нее отказывался.

Мне хотелось, чтобы моя жизнь тоже что-нибудь весила, когда мы строили планы.

Летом меня звали на редакторский проект. Нужно было несколько раз съездить в другой город, поработать с авторами и музейными материалами. Я два вечера рассказывала Павлу, что там собираются делать.

Он спросил, сколько заплатят. Посчитал дорогу и жилье. Напомнил, что у меня и так достаточно заказов.

— Тебе же удобнее дома, — сказал тогда.

— Мне интересна эта работа.

— Я понимаю. Но зачем тебе мотаться? Сначала все красиво рассказывают, потом ты сама будешь жаловаться.

Я не стала жаловаться.

Написала, что не могу принять предложение.

Нажала «Отправить» сама, сидя за собственным компьютером. Потом вышла на кухню, где Павел резал хлеб, и сообщила, что отказалась.

— Правильно, — ответил он. — Еще спасибо скажешь.

Я помнила, как он положил нож. Как подвинул мне доску с ровно нарезанными ломтями. Как я взяла один, хотя есть не хотела.

— Я тогда очень хотела поехать, — сказала я.

— Ты могла поехать, — ответил Павел, не отрывая взгляда от дороги.

— Да. Могла.

— Я тебя не держал.

— Не держал.

Он помолчал.

— Но виноват все равно я.

Я повернулась к нему.

— Паша, я не хочу, чтобы ты сегодня признал себя виноватым во всей моей жизни. Я сама отказалась. Сама много раз говорила, что мне удобно, хотя мне было неудобно. Но потом я начала говорить иначе. Ты слышал?

Павел смотрел вперед.

Мы медленно въехали во двор. У мусорных баков стоял небольшой грузовик, водитель в оранжевом жилете махнул нам, показывая, куда можно проехать.

— Слышал, — ответил Павел, когда припарковался.

Я ждала.

Он выключил двигатель.

— Не думал, что все настолько плохо.

От этих слов у меня защипало глаза.

Я отвернулась и стала отстегивать ремень. Он зацепился за ткань пальто. Пока я его высвобождала, Павел уже вышел и открыл мою дверь.

Он протянул руку.

На этот раз я оперлась на нее, выбираясь из машины.

В подъезде пахло чьим-то обедом. На доске объявлений висел листок о проверке счетчиков. Я машинально остановилась прочитать дату.

— Я видел, — сказал Павел.

Я кивнула и пошла к лифту.

Пока поднимались, смотрела на цифры над дверью. На нашем этаже Павел достал ключ раньше меня.

В прихожей все оставалось на своих местах.

Кроме моих сапог.

— Пальто снимай, — сказал Павел.

Я сняла и повесила на знакомый крючок.

Три коробки стояли возле письменного стола. На верхней было написано: «Рабочее». Павел сделал надпись крупными печатными буквами.

Я присела, отогнула клапан.

Книги лежали корешками вверх. Между ними были проложены листы плотной бумаги. Пачку моих распечаток он перевязал шнурком, не вынимая разноцветных закладок.

— Я не знал, что можно убрать, — сказал он. — Оставил как было.

Я провела пальцем по торчащей полоске желтой бумаги.

— Спасибо.

— Там еще словарь, внизу другой коробки. Тяжелый, я отдельно положил.

— Хорошо.

Мне почему-то стало трудно поднять голову.

Павел действительно постарался. Можно было просто сдвинуть все со стола в коробку, высыпать мелочи сверху. Он сохранил даже карандаш, которым я помечала поля. Положил его вдоль переплета и закрепил бумажной полоской.

— Линейку не видел? — спросила я.

— Синюю?

— Да.

Он открыл ящик стола.

Линейка лежала возле ножниц.

— Я думал, это Алисы.

— Она была Алисы. Лет пятнадцать назад.

На пластике до сих пор виднелась надпись черным маркером: «Сомова А.».

Павел протянул мне линейку. Наши пальцы соприкоснулись.

Я слишком хорошо знала эти руки. Как они держали руль. Как Павел снимал часы перед сном. Как касался моей щеки, если хотел, чтобы я перестала сердиться и посмотрела на него.

Мне захотелось удержать его ладонь.

Вместо этого я убрала линейку в сумку.

— Кофе будешь? — спросил он.

Я собиралась отказаться. Потом поняла, что у меня совсем пересохло во рту.

— Буду.

На кухне было светло. На подоконнике стояло растение, которое Инга подарила мне лет пять назад. Один лист пожелтел по краю. Раньше я бы сразу отщипнула его, проверила землю и переставила горшок подальше от батареи.

Я села за стол.

Павел налил воду в кофемашину, достал две чашки. Одной из них была моя, белая, с тонкой трещинкой возле ручки.

— Эту заберешь?

— У тебя других мало?

— Я спросил.

— Пусть останется.

Он поставил чашку передо мной.

Я заметила на сушилке тарелку, небольшую кастрюлю, один бокал. В раковине ничего не было. Павел не нуждался в том, чтобы я пришла и спасла его от грязной посуды.

— Ты ешь нормально? — спросила я.

Он посмотрел на меня поверх чашки.

Я закрыла глаза.

— Извини.

— Ем.

— Я не хотела...

— Марин, я понял.

Мы сидели друг напротив друга. Двадцать четыре года брака позволяли без слов понять, почему человек задал дурацкий вопрос. И почему после ответа ему стало еще тяжелее.

— Маме во вторник машинку привезут, — сказал Павел. — Я ей заказал. С десяти до двух доставка. Ты не могла бы побыть у нее?

Я медленно поставила чашку.

— Во вторник я работаю.

— Я знаю. Ты же можешь с ноутбуком...

Он остановился.

На кухне стало слышно, как работает холодильник.

Павел потер переносицу.

— Ладно. Я перенесу на четверг.

Я смотрела на него.

— Почему сразу на четверг?

— Во вторник занятия. В четверг свободен. Сам поеду.

— Хорошо.

Он взял телефон, открыл что-то, сделал пометку.

Раньше я уже уточняла бы, нужна ли установка, увезут ли старую машину и знает ли Лидия Семеновна, что мастера могут приехать раньше назначенного времени. Вспоминала бы, есть ли у нее достаточно наличных на случай дополнительных работ. Потом позвонила бы ей сама.

Сейчас я допила кофе.

Павел поднял глаза.

— Я не нарочно.

— Я знаю.

Он, кажется, хотел сказать еще что-то, но передумал.

Я смотрела на знакомые складки у его рта. В пятьдесят три он оставался красивым мужчиной. Мне нравились его плечи, спокойная манера двигаться, голос, который я узнавала даже сквозь шум. Мне нравилось, что рядом с ним можно было не суетиться, когда случалась настоящая беда.

Когда умерла моя мама, Павел приехал ко мне ночью. Я сидела в больничном коридоре и никак не могла набрать номер Инги. Он забрал у меня телефон, сам всем позвонил, принес воды. Не говорил, что надо держаться.

Позже, уже дома, снял с меня туфли, потому что я легла в них на кровать.

Я помнила его руки на своих щиколотках. Помнила, как он сел рядом и остался сидеть, пока я не уснула.

В нашей жизни было слишком много хорошего, чтобы уйти легко.

— Я все думаю, — произнес Павел, — в какой момент ты это решила.

Я подняла на него глаза.

— Я говорила тебе.

— Говорила, что больше так не можешь. Что надо что-то менять.

— И про развод говорила.

Он кивнул.

— Да.

— Ты думал, я пугаю?

Павел посмотрел в чашку.

— Думал, мы еще раз поговорим.

Я сглотнула.

Мне было сорок пять. В двадцать один я вышла за него замуж, а сейчас сидела на той же кухне, где мы столько раз завтракали вместе, и не знала, как закончить разговор, который тянулся больше года.

— Мы могли, — сказала я. — Много раз.

— Сейчас тоже можем.

Сердце ударило так сильно, что я почувствовала его в горле.

Я хотела услышать это раньше. Хотела, чтобы он сам остановился, сел напротив и сказал, что готов говорить. Без моего списка претензий, без необходимости сначала расплакаться.

Теперь сидела и не понимала, что именно он предлагает.

— О чем? — спросила я.

Павел помолчал.

— О нас.

— И что ты хочешь сказать?

Он отвел взгляд к окну.

Снизу донесся короткий автомобильный сигнал. Где-то за стеной включили воду.

Я ждала.

— Мне плохо без тебя, — сказал он наконец.

Я сжала чашку обеими руками.

Слова были простыми. В них не было оправдания, попытки убедить меня, что я преувеличиваю. И от этого стало почти невыносимо.

— Мне тоже, — ответила я.

Павел посмотрел на меня.

Я видела, как он чуть подался вперед, и поняла, насколько опасной была моя честность. Для него она могла означать, что все еще можно исправить сегодня. Перенести коробки обратно к столу. Повесить мое пальто в шкаф. Вечером поесть вместе.

Я отпустила чашку.

— Но я не останусь.

Он медленно выпрямился.

— Я не просил.

— Знаю.

Мы оба замолчали.

Я поднялась, отнесла чашку к раковине. Открыла кран.

Павел встал следом.

— Оставь.

Я выключила воду.

На белом боку чашки остался след от помады.

Мне вдруг стало стыдно за этот след, за свое желание заплакать, за то, что я до сих пор не могла просто забрать вещи и уйти.

— В ванной еще мой футляр, — сказала я.

— На полке справа.

Я пошла в ванную.

Зеркало было тем же. На краю полки лежала резинка для волос, которую я не заметила, когда собирала косметику. Я взяла ее, натянула на запястье и несколько секунд смотрела на свое отражение.

Павел не выгнал меня. Не променял на другую женщину. Не сделал ничего такого, о чем можно было бы рассказать одним предложением и сразу получить в ответ уверенное: правильно, что ушла.

Я сама подала на развод.

И теперь мне приходилось выдерживать собственное решение без чужой злости, которая помогла бы уйти.

Я вымыла руки холодной водой, промокнула салфеткой. Проверила, не размазалась ли тушь. Потом взяла футляр.

В коридоре Павел уже надел пальто. Две коробки стояли у двери, третью он держал в руках.

— Эту я возьму, — сказала я, наклоняясь к меньшей.

— Она с книгами.

— Я вижу.

Он посмотрел на меня и подвинул коробку ближе.

— Держи снизу. Крышка не заклеена.

Я подняла ее.

Павел открыл дверь.

Перед выходом я поставила коробку на тумбу и достала связку ключей. Отделила нужный, задержавшись на маленьком металлическом кольце.

— Что ты делаешь? — спросил он.

Я положила ключ на полку.

— Оставь у себя.

— Зачем?

Павел не ответил сразу.

— Всякое бывает.

— Если понадобится приехать, я позвоню.

Он посмотрел на ключ, потом на меня.

— Хорошо.

Я снова подняла коробку.

Павел вышел первым. Я задержалась на секунду в дверях. Из прихожей были видны край стола и стул, на котором лежал его свитер.

Остальное пока могло подождать.

До моей съемной квартиры мы доехали почти без разговоров.

Павел спросил, с какой стороны удобнее подъехать. Я показала. Он занес коробки, поставил их у стены и распрямился.

— Здесь?

— Да. Спасибо.

Он посмотрел на узкий стол возле окна, на ноутбук, на стопку распечаток, которую я с утра положила на стул. Рядом с подоконником стояла чашка с остывшим кофе.

— Ты так и работаешь?

— Пока так.

— Можно стол побольше поставить.

Я кивнула.

— Можно. Я посмотрю.

Павел еще секунду постоял возле коробок.

Я знала этот взгляд. Наверняка уже прикидывал, что передвинуть, куда поставить лампу, какой удлинитель понадобится. Мне очень хотелось позволить ему заняться этим прямо сейчас.

Пока он переставлял бы стол, я могла сварить кофе. Потом мы открыли бы коробки. Потом стало бы поздно.

— Я сама выберу, — сказала я тише.

Он перевел взгляд на меня.

— Конечно.

Я проводила его до двери.

Павел остановился на пороге.

— Если понадобится что-то тяжелое перевезти, скажи.

— Спасибо.

— И вообще...

Он не договорил.

Я держалась за край двери.

Павел смотрел на меня так, что я снова почувствовала желание шагнуть ближе. Уткнуться лбом в его грудь, переждать там этот день. Я знала, что он обнимет. Возможно, даже не станет ничего спрашивать.

Я еще не умела хотеть этого и при этом оставаться на месте.

Пришлось просто стоять.

— До свидания, Марин, — сказал он.

Я кивнула.

Он пошел к лестнице. Лифт был занят, и Павел не стал ждать.

Я закрыла дверь после того, как услышала его шаги этажом ниже.

Потом прислонилась к ней спиной и заплакала.

Тихо, почти без звука. У меня болело лицо от того, как долго я его удерживала спокойным. Я вытерла щеки ладонями, разозлилась на себя за это, пошла за салфетками.

В сумке лежал документ.

Я достала его и положила на стол. Прочла еще раз.

Потом убрала в ящик.

Телефон зазвонил, когда я умывалась.

Алиса.

— Мам?

— Да, моя хорошая.

— Все?

Я посмотрела на мокрые руки.

— Все.

Она помолчала.

— Я могу приехать вечером.

— У тебя же встреча.

— Перенесу.

— Не надо.

— Мам, это не проблема.

Я села на край кровати.

— Я знаю. Спасибо. Но сегодня хочу побыть одна.

— Папа тебя привез?

— Да. Помог с книгами.

— Он как?

— Позвони ему сама, ладно?

— Ладно.

Я подтянула к себе край покрывала.

— Ты ела?

На том конце стало тихо. Потом Алиса негромко засмеялась.

Я тоже улыбнулась, хотя глаза снова защипало.

— Прости. Это у нас семейное.

— Ела, мам. Даже горячее.

— Хорошо.

— Если передумаешь, позвони. Я могу и после встречи.

— Позвоню.

Мы попрощались.

Я некоторое время сидела на кровати. Потом встала, достала из коробки словарь и поставила на нижнюю полку шкафа. Освободила стол от косметички и пакета с зарядными устройствами.

Распечатка не помещалась рядом с ноутбуком. Я подвинула стол ближе к стене, поставила возле него стул и разложила страницы на сиденье.

Сначала я минут десять смотрела в один абзац. На четвертой странице снова появился тот самый дед. Я сверила даты, написала комментарий. Работа понемногу пошла.

К шести часам я отправила правку. В ответ пришло короткое благодарное письмо и вопрос, смогу ли завтра посмотреть еще небольшой фрагмент.

Я открыла календарь.

Завтра у меня не было ничего, кроме собственных дел.

От этого почему-то снова стало больно.

Я согласилась на работу и закрыла ноутбук.

На ужин разогрела суп. Ела прямо из той глубокой тарелки, которую купила вместе с двумя чашками и маленькой сковородой. Все было разное, без общего рисунка.

В нашей квартире я много лет берегла сервиз, доставшийся от мамы. Доставала его на праздники, переживала, если кто-нибудь ставил чашку слишком близко к краю. Павел каждый раз говорил, что посуда существует для того, чтобы из нее ели.

Сервиз я пока не забрала. Мы договорились, что он постоит до тех пор, пока у меня не будет для него места. Сегодня я забирала последние вещи, которые нужны были мне каждый день.

Я доела суп и вымыла тарелку.

Только после этого вспомнила тот декабрьский ужин.

Алиса приехала с пирогом. Павел приготовил мясо. Я с утра закончила заказ и впервые за несколько дней чувствовала себя свободной.

После ужина он принес планшет.

— Посмотрите, что нашел.

На экране был дом. Светлая кухня, широкая терраса, голые зимние деревья вдоль забора.

— Это где? — спросила Алиса.

Павел объяснил, показал еще несколько фотографий.

— Хозяева с мая готовы сдавать. До осени поживем. Мне до Москвы нормально добираться.

Я поставила чашку.

— Мы собираемся переезжать?

— Ну мы же смотрели варианты.

— Смотрели. Я сказала, что не хочу.

— Ты сказала, что работать там негде. Здесь отдельная комната. Вот, смотри.

Он увеличил фотографию. В небольшой комнате стоял письменный стол, над ним висела полка.

— Окно во двор. Тихо. Никто не будет мешать.

Алиса перестала листать фотографии.

Я смотрела на этот стол.

Чужой стол в чужом доме, куда меня уже мысленно перевезли вместе с ноутбуком и словарями.

— Паш, я не хочу жить за городом.

— Почему?

— Потому что мне нравится здесь. Я могу встретиться с людьми, сходить куда-нибудь, съездить по работе.

— Так машина есть. Я отвезу.

— А если ты занят?

— Значит, заранее договоримся.

Он говорил спокойно. Даже с некоторым удовольствием: у него находился ответ на каждое мое возражение.

— Мне сорок пять, — сказала я тогда. — Я не хочу заранее договариваться, чтобы выйти из дома.

— Марин, ну не передергивай. Кто тебя запирает?

Алиса отложила планшет.

— Пап, если мама не хочет...

— Мы обсуждаем, — ответил он.

Но я уже знала, что обсуждаем мы только то, как сделать удобнее решение, которое он принял.

Когда дочь уехала, я убрала со стола. Павел помог загрузить посуду, поставил чайник.

Я попросила его сесть.

Он сел.

Я сказала, что хочу развестись.

Павел долго смотрел на меня. Потом спросил, серьезно ли я говорю.

Я ответила, что да.

— Из-за дома?

— Паша, пожалуйста. Не из-за дома.

Он замолчал.

Я рассказывала о четвергах, о работе, о разговорах, которые все время откладывались. О том, что уже просила пожить отдельно. Он слушал. Несколько раз пытался ответить, я просила дать мне закончить.

Когда закончила, Павел сказал:

— Давай сейчас ничего не решать.

И я поняла, что больше ждать не могу.

В съемной квартире было тихо.

Я вытерла стол, убрала хлеб. Подошла к окну. В доме напротив загорались окна. В одном мужчина держал на руках ребенка, в другом кто-то поливал цветы. На третьем этаже висела гирлянда, которую так и не сняли после Нового года.

Я вернулась к коробкам и достала небольшую фотографию Алисы. Павел завернул рамку в полотенце.

На снимке дочери было девять. Она стояла возле моря, держала в руках мокрые сандалии и смотрела на нас с таким возмущением, будто это мы специально придумали волны, чтобы они намочили ей платье.

Я поставила фотографию на подоконник.

Позже приняла душ, переоделась, собрала одежду на завтра. Нашла в коробке прикроватную лампу. Подключила, потушила верхний свет.

В комнате стало уютнее.

Телефон лежал возле книги.

В девять с небольшим экран засветился.

Павел.

«Я у Сергея. Буду поздно. Не жди».

Я взяла телефон.

Большой палец уже двигался к клавиатуре. Я почти написала привычное «Хорошо».

Потом посмотрела на свою комнату. На узкую кровать, на лампу, на коробку, которую оставила разбирать до завтра.

Он знал, где я нахожусь. Сам принес сюда мои вещи. Видел, как я держалась за дверь, когда он уходил.

Возможно, написал, не подумав. Возможно, хотел хоть что-нибудь сказать.

Я не знала.

Я только понимала, что сейчас опять начну представлять, когда он поедет от Сергея, какая будет дорога, успеет ли поесть перед сном. Потом стану поглядывать на часы и проверять телефон.

Я набрала:

«Паша, пожалуйста, больше не предупреждай меня, что задержишься. Мне больше не надо ждать тебя домой».

Прочла.

Убрала слово «пожалуйста». Сразу вернула.

Отправила.

Сообщение почти сразу стало прочитанным.

Я сидела на кровати, держа телефон обеими руками.

Ответ пришел через минуту.

«Привычка. Прости».

Я положила телефон на тумбочку. Поднялась, проверила замок. Вернулась, поправила край одеяла.

Я сама попросила его больше не предупреждать о задержках.

А потом до полуночи ждала, что он все-таки напишет.

Глава 2. Квартира без ожидания

На следующее утро я проснулась от того, что никто не ходил по кухне.

Несколько секунд лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к тишине. Потом вспомнила, где нахожусь.

В съемной квартире было холоднее, чем у нас дома. Ночью я оставила форточку приоткрытой, а теперь из-под одеяла совсем не хотелось вылезать.

Я потянулась за телефоном.

Восемь семнадцать.

Сообщений от Павла не было.

Вчера я сама попросила его больше не предупреждать, когда он задерживается. Он ответил, что понял. И вот теперь я лежала в кровати и испытывала почти детскую обиду из-за того, что он выполнил мою просьбу.

Я открыла нашу переписку.

Последние сообщения выглядели странно. Раньше там были фотографии продуктов, вопросы о лекарствах для Лидии Семеновны, адреса и короткие напоминания. Теперь — вежливые фразы о вещах, документах и вчерашнем вечере.

Я провела пальцем по экрану, вернулась к зимним сообщениям.

«В холодильнике суп. Не забудь поесть».

«Спасибо, Марин».

«Ты когда освободишься?»

«После восьми. Не жди».

Я помнила тот вечер. Павел приехал в половине одиннадцатого. Я уже лежала в постели, но не спала. Он осторожно открыл дверь, наклонился поцеловать меня в щеку и пошел в душ.

Я тогда хотела попросить его полежать со мной хотя бы немного. Поговорить. Рассказать, как прошел день.

Но он выглядел уставшим, и я решила не приставать.

Я часто так решала.

Экран телефона погас.

— Вставай, Марина, — сказала я вслух.

Собственный голос прозвучал непривычно громко.

На кухне я достала кофе, насыпала в кофемашину привычную порцию и только потом вспомнила, что теперь пью одна.

Раньше Павел забирал себе первую чашку. Ему нравился крепкий, почти без молока. Себе я добавляла больше воды.

Я посмотрела на приготовленный кофе и вдруг рассердилась.

Ну и что? Можно выпить две чашки. Можно вообще вылить лишнее. Ничего страшного не случится.

Я налила себе кофе, сделала глоток и поморщилась.

Горький.

Разбавила водой.

Завтракать не хотелось, но вчерашний йогурт, который Павел несколько раз припомнил в машине, стоял перед глазами.

Я достала хлеб, сыр, сделала бутерброд.

Потом села за стол и открыла ноутбук.

До обеда мне нужно было проверить сорок страниц рукописи. Автор прислал исправления, причем половину внес прямо в текст, а другую половину перечислил отдельным письмом.

Я прочла первое замечание.

«Марина Андреевна, пожалуйста, не исправляйте фамилию Плотников на Платников. В нашей семье всегда писали через о».

Я открыла скан старого документа. Там действительно стояло «Плотников».

В предыдущей версии сам автор трижды написал «Платников».

Я вздохнула и внесла исправление.

Работа постепенно захватила меня.

Через час я уже спорила с примечаниями, переставляла абзацы и выясняла, почему одна фотография была подписана 1962 годом, хотя человек на снимке умер раньше.

К одиннадцати в квартире стало теплее. За окном кто-то разгружал мебель. Я слышала, как мужчины спорили из-за шкафа, который не проходил в подъезд.

Один предложил снять дверцу.

Второй довольно выразительно объяснил, что дверца тут ни при чем.

Я невольно улыбнулась.

Потом посмотрела на собственный стол.

Ноутбук занимал почти всю поверхность. Папку с документами приходилось держать на коленях, а карандаши постоянно падали на пол.

Вчера Павел предложил купить стол побольше.

Я сказала, что выберу сама.

И ведь собиралась.

Только почему-то до сих пор работала за этим узким столиком, хотя могла позволить себе нормальный.

Я открыла сайт мебельного магазина, посмотрела несколько моделей.

Один стол понравился сразу. Светлая столешница, два ящика, достаточно места для ноутбука и бумаг.

Я положила его в корзину.

Потом увидела стоимость доставки и сборки.

— Ничего себе, — пробормотала я.

В нашей прежней квартире подобные вопросы решал Павел. Не потому, что я не умела заказать мебель. Просто ему нравилось этим заниматься. Он мог полчаса сравнивать крепления, изучать характеристики, звонить продавцу. А потом покупал то, что считал надежным.

Иногда я была ему за это благодарна.

Иногда получала совсем не то, что хотела.

Я вспомнила шкафчик для ванной, который просила сделать с открытыми полками. Павел заказал закрытый. Сказал, что так меньше пыли.

Шкафчик был хороший. Дорогой, удобный.

Только каждый раз, доставая крем, я вспоминала, что хотела другой.

Я посмотрела на выбранный стол.

Белый.

С простыми ручками.

Ничего особенного.

Павел наверняка сказал бы, что на такой поверхности будут видны все царапины.

Я нажала «Оформить заказ».

Стол обещали доставить через пять дней.

Потом вернулась к рукописи и впервые за утро не стала проверять телефон.

В субботу приехала Алиса.

Она позвонила из магазина возле моего дома и спросила, какое мороженое купить.

— Никакое, — ответила я. — У меня есть.

— Какое?

— Ванильное.

— Мам, это не мороженое, это компромисс.

Через пятнадцать минут она появилась с большим бумажным пакетом, двумя стаканами кофе и совершенно мокрыми волосами.

— Ты что, без зонта?

— Дождь начался, когда я уже вышла.

— Могла переждать.

— Могла, — согласилась дочь. — А ты могла не открывать дверь с таким лицом, будто мне восемь.

Я отступила, пропуская ее.

Алисе было двадцать два. Она жила отдельно, работала начинающим дизайнером и уже умела самостоятельно платить за квартиру, ругаться с заказчиками и находить самые дешевые авиабилеты.

При этом шарфы продолжала забывать с завидным постоянством.

Она сняла куртку, поставила пакет на кухне.

— Я принесла пирожные.

— Алиса, у меня есть еда.

— Я знаю. Я же не картошку принесла.

Она достала две коробочки.

В одной лежали небольшие пирожные с ягодами, во второй — шоколадные.

— Шоколадные тебе, — объявила дочь. — Я взяла ягодные.

— А если я хочу ягодное?

— Тогда будем договариваться.

Я засмеялась.

Алиса огляделась.

— Ну что, как тут?

— Нормально.

— Мам.

— Что?

— Я не проверяющая из управляющей компании. Можешь сказать больше одного слова.

Я поставила чайник.

— Стол заказала. Привезут на следующей неделе. С работой все хорошо. Сосед сверху иногда слушает музыку. Вчера обнаружила, что в ванной протекает лейка душа. Написала хозяйке, она обещала заменить.

— Уже лучше.

Дочь прошла в комнату, посмотрела на коробки возле стены.

— Это еще не разобрала?

— Не успела.

— Давай помогу.

— Не надо, я сама.

Она повернулась ко мне.

— Мам, ты теперь на все будешь отвечать «я сама»?

Я открыла рот и закрыла.

Алиса рассмеялась.

— Ладно, не обижайся. Просто я могу помочь. Мне не трудно.

Я посмотрела на коробки.

— Там книги. Их надо расставить.

— Вот и расставим.

Она подошла к шкафу, открыла дверцу.

— Только сразу предупреждаю: по алфавиту не умею. В прошлый раз ты меня чуть не выгнала из-за Толстого.

— Потому что ты поставила его к детским сказкам.

— А что? У него тоже длинные истории.

Мы разбирали книги почти час.

Алиса сидела на полу, доставала тома, читала названия и иногда делала замечания, от которых я хохотала.

— Мам, зачем тебе три словаря синонимов?

— Разные издания.

— Синонимы за это время изменились?

— Некоторые вполне могли.

— Тогда надо купить четвертый. Для надежности.

Я складывала книги на полку и украдкой смотрела на дочь.

Она очень походила на Павла.

Те же темные глаза, прямой нос, привычка чуть поднимать бровь, когда слышала что-то сомнительное.

Но характер у нее был свой. Алиса легко знакомилась с людьми, спорила открыто и почти никогда не соглашалась только ради того, чтобы избежать неприятного разговора.

Иногда я ей завидовала.

Когда последняя коробка опустела, она достала телефон.

— Папа вчера звонил.

Я задержала руку на корешке книги.

— Как он?

— Нормально.

— Алиса.

— Что?

— Я просто спросила.

Дочь посмотрела на меня.

— Он спрашивал, как ты.

Я поставила книгу.

— И что ты сказала?

— Что ты жива, работаешь и ешь. Последний пункт, правда, пришлось немного приукрасить.

— Я ем.

— Тогда откроем холодильник?

— Не надо.

Она улыбнулась, но почти сразу посерьезнела.

— Мам, вы совсем не будете разговаривать?

Я присела на край кровати.

— Почему совсем? Будем. Мы же не чужие люди.

— Тогда почему папа спрашивает обо всем через меня?

Я не сразу ответила.

Мне хотелось сказать, что Павел сам попросил дочь узнать, как я себя чувствую. Что это его способ остаться рядом, не нарушая моего решения.

Но я не знала, было ли это правдой.

— Наверное, ему пока трудно понять, о чем можно спрашивать напрямую, — сказала я.

Алиса кивнула.

Потом села рядом.

— Я не хочу быть между вами.

Меня словно толкнули.

— И не будешь.

— Я просто...

Она замолчала, посмотрела на свои руки.

— Я вас люблю обоих. И когда папа спрашивает, как ты, мне почему-то кажется, что я должна сказать что-нибудь такое, после чего вы помиритесь.

Я взяла ее за руку.

— Тебе ничего не надо говорить специально. Ни мне, ни папе.

— Я знаю.

— И звонить ему с отчетом обо мне не надо.

— Он не просил отчет.

— Я понимаю. Но если ты почувствуешь, что тебя втягивают в наши разговоры, можешь так и сказать.

Алиса задумалась.

— Ты действительно не хочешь возвращаться?

Я посмотрела на нее.

В детстве она задавала вопросы гораздо проще. Почему самолеты не падают? Почему бабушка красит волосы? Почему папа иногда разговаривает так громко, хотя совсем не сердится?

Ответить на нынешний вопрос было труднее.

— Я не хочу возвращаться к тому, как мы жили, — сказала я.

— А к папе?

Я погладила ее по ладони.

— Я пока не знаю, как на это ответить.

Дочь некоторое время молчала.

Потом положила голову мне на плечо.

— Жалко, что так получилось.

Я обняла ее.

— Мне тоже.

За окном закончился дождь.

Алиса первой поднялась.

— Пойдем есть пирожные. А то сейчас начнем плакать и испортим выходной.

— Ты очень деликатная девушка.

— Зато красивая.

— Кто бы спорил.

Мы сели на кухне.

Она рассказала о заказчике, который требовал сделать надпись «солиднее», но отказывался объяснять, что именно имеет в виду. Потом показала два варианта афиши и заставила меня выбирать.

Я честно сказала, что второй читается лучше.

— Вот! — обрадовалась дочь. — А он хочет первый!

— Потому что там больше золота?

— Потому что у него вообще проблемы с чувством меры.

После пирожных мы заказали ужин.

Алиса осталась до девяти. Перед уходом обняла меня так крепко, что я едва смогла вдохнуть.

— Ты мне звони, ладно?

— Обязательно.

— Не только когда что-то нужно.

Я улыбнулась.

— Хорошо.

Когда дверь за ней закрылась, квартира показалась слишком тихой.

Я прошла на кухню, вымыла чашки. Поставила их сушиться и увидела на столе оставленную Алисой заколку.

Черную, простую, с металлическим цветком.

Я взяла ее и положила возле телефона.

Потом отправила дочери фотографию.

«Забыла».

Она ответила почти сразу:

«Оставь себе. Тебе пойдет».

Я улыбнулась.

Несколько секунд смотрела на экран, прежде чем открыть переписку с Павлом.

Там по-прежнему не было новых сообщений.

К концу марта я научилась не проверять телефон сразу после пробуждения.

Не каждый день.

Иногда все равно хваталась за него, еще не открыв глаза. Особенно если снился Павел.

Сны были совершенно обычные. Мы ехали куда-то на машине, выбирали продукты, собирались в гости. Однажды мне приснилось, что я потеряла его рубашку и ужасно боялась признаться.

Просыпаясь, я несколько секунд не понимала, почему рядом никого нет.

Потом вспоминала.

Боль не исчезала, просто перестала занимать все утро.

За это время мне привезли новый стол — в назначенный день.

Доставщики подняли коробки, поставили возле стены и ушли. Сборщик должен был приехать отдельно, ближе к вечеру.

Я не стала ничего распаковывать, пока работала.

В половине пятого позвонили и сообщили, что мастер задерживается.

— Насколько? — спросила я.

— Часа на два, может, больше.

У меня был запланирован созвон с автором.

Я объяснила, что после семи принимать мастера не смогу.

На том конце провода вздохнули.

— Тогда завтра.

— Завтра до трех.

Мы договорились на следующий день.

Раньше я наверняка позвонила бы Павлу.

Он мог бы приехать, открыть коробку, посмотреть инструкцию и собрать стол сам. Скорее всего, быстрее мастера.

Я даже представила, как он стоит посреди комнаты с шуруповертом и недовольно изучает пакет с крепежом.

«Марин, тут половина деталей лишняя».

А я сижу на кровати, пью кофе и спорю, что производитель вряд ли специально положил лишние винты.

Мне стало смешно.

Потом захотелось плакать.

Я закрыла дверь в комнату и пошла готовиться к созвону.

Автор оказался разговорчивым пожилым мужчиной, который очень любил семейную историю и совсем не любил сокращения. Мы час разбирались, почему не стоит оставлять в книге четыре одинаковых эпизода о том, как его дедушка впервые увидел поезд.

После разговора я отправила ему пример новой структуры главы.

Он ответил:

«Марина Андреевна, вы правы. Но один поезд я все-таки оставлю».

Я рассмеялась.

И вдруг поняла, что уже несколько часов не думала о Павле.

Не потому, что старалась отвлечься.

Просто занималась своим делом.

На следующий день мастер собрал стол.

Я разложила на нем бумаги, поставила лампу, подвинула стул. Потом несколько раз переставила карандаши, блокнот и чашку.

Все помещалось.

Я сфотографировала свое новое рабочее место и отправила Алисе.

Она прислала:

«Мам, красиво. Только провод убери, а то у меня профессиональная боль».

Я поправила провод.

Потом почему-то открыла фотографию еще раз.

Мне нравился этот стол.

Я выбрала его сама.

И никто не сказал, что лучше было бы купить другой.

С Ингой мы встретились в начале апреля.

Она выбрала маленькое кафе возле библиотеки, куда мы обе иногда ходили по работе. Я приехала раньше, заказала кофе и устроилась возле окна.

Инга появилась через десять минут, стряхивая с плаща мелкие капли дождя.

— Прости, — сказала она. — Меня задержали.

— Кто на этот раз?

— Человек, который уверен, что если семейные бумаги лежали у бабушки сорок лет, то теперь их обязаны принять в архив и немедленно выставить.

Она села напротив.

— А там список покупок за тысяча девятьсот восемьдесят шестой год.

— Может, ценный.

— Очень. Гречка, мыло и носки. История страны.

Мы засмеялись.

Инга работала с архивными материалами, помогала издательствам и исследователям находить документы, сверять даты, разбираться в происхождении фотографий.

Познакомились мы лет семь назад, когда я редактировала воспоминания одного инженера. Автор был уверен, что его дед служил сразу в трех местах одновременно. Инга помогла разобраться с документами, а потом мы два часа просидели в кафе, обсуждая совсем другие вещи.

С тех пор дружили.

Она сняла шарф и внимательно посмотрела на меня.

— Ну, рассказывай.

— Что именно?

— Не делай вид, что мы пришли обсуждать гречку.

Я взяла чашку.

— Развелись.

— Я знаю.

— Живу отдельно. Работаю. Стол купила.

— Стол хороший?

— Отличный.

— Тогда уже не зря собрались.

Я улыбнулась.

Инга заказала завтрак, хотя время приближалось к обеду. Потом отломила кусок круассана и спросила:

— Ты скучаешь по нему?

Я отвела взгляд к окну.

— Да.

— Сильно?

— По-разному.

Она кивнула и не стала торопить.

Я долго смотрела, как официантка поправляет на соседнем столе вазочку с сухими цветами.

— Иногда мне кажется, что я совершила какую-то глупость, — сказала наконец. — Мы ведь хорошо жили. У нас нормальная дочь, квартира, деньги. Он не пил, не гулял, не бил меня. Если болела, всегда заботился.

— И?

— И я ушла.

Инга поставила чашку.

— Марина, я помню, как ты прошлым летом сидела здесь и пыталась объяснить Павлу по телефону, что не можешь прямо сейчас ехать к его знакомым.

Я помнила.

Мы собирались на выставку, билеты купили заранее. Павел позвонил и сообщил, что в город приехал бывший сослуживец с женой. Они хотели встретиться.

Я сказала, что у меня планы.

Он удивился.

«Ну перенеси. Ты же с Ингой».

Я тогда действительно отменила выставку.

Инга отнеслась спокойно. Даже пошутила, что картины от нас не убегут.

А я весь вечер сидела за чужим столом, улыбалась и пыталась не думать, что снова согласилась раньше, чем успела решить, чего хочу.

— Я помню, — ответила я.

— Вот. Но ты мне сейчас не докладывай, почему имела право развестись. Я тебя не проверяю.

Я посмотрела на нее.

— Мне иногда самой хочется себя проверить.

Инга вздохнула.

— Ну проверь. Только не по количеству его недостатков. Ты ведь не обязана доказывать, что он ужасный человек.

Эти слова почему-то задели сильнее остальных.

Я долго привыкала к мысли, что можно любить человека и при этом не хотеть больше с ним жить.

Павел не был чудовищем.

Иногда он бывал удивительно нежным. Помнил, что я не люблю слишком сладкие духи, терпеть не могу мокрый песок на простыне, боюсь стоматологов и никогда не выбрасываю черновики сразу.

Но все эти знания не мешали ему годами не замечать, как я постепенно отказывалась от собственных желаний.

— Знаешь, что самое противное? — спросила я.

— Что?

— Я хочу ему позвонить.

— Так позвони.

Я удивленно посмотрела на нее.

Инга пожала плечами.

— А что такого? Ты же не дала обет молчания.

— И что я скажу?

— Не знаю. Ты хочешь услышать его голос или поговорить о чем-то конкретном?

Я задумалась.

— Наверное, услышать голос.

— Тогда честнее признаться в этом себе. А потом уже решать, стоит ли звонить.

Я взяла салфетку, сложила пополам.

— Ты думаешь, я хочу вернуться?

Инга приподняла брови.

— А ты думаешь?

— Если бы знала, не спрашивала.

Она некоторое время смотрела на меня.

— Мне кажется, ты очень скучаешь по Павлу. И еще по тому, как было, когда вы хорошо жили. Это ведь не совсем одно и то же.

Я медленно развернула салфетку.

За окном проехал автобус.

— Я хочу, чтобы он меня обнял, — призналась я.

Инга ничего не ответила.

— Представляешь? Столько разговоров, столько документов, столько всего. А я иногда готова отдать полдня, только чтобы он подошел сзади на кухне и обнял.

— Это я вполне могу представить.

— И сразу начинаю думать, что надо было терпеть.

Инга покачала головой.

— Вот с этим я бы не спешила.

Она потянулась за круассаном.

— Кстати, о работе. Ты еще занимаешься краеведческими книгами?

Я не сразу поняла, почему она сменила тему.

— Конечно. У меня сейчас два проекта.

— Я тут разговаривала со Светланой Гориной. Помнишь, я рассказывала?

— Это которая делала альбомы по старым городским фотографиям?

— Она. Сейчас руководит издательством в Ярославле. «Волжская линия».

Название было знакомым.

Несколько лет назад я видела их книгу на выставке. Хорошее издание, аккуратная верстка, много редких фотографий. Тогда еще подумала, что редактору пришлось изрядно потрудиться с подписями.

— Что у них? — спросила я.

— Готовят большую серию. Городская история, семейные архивы, воспоминания, фотографии. Хотят расширять редакцию.

— И зачем ты мне рассказываешь?

Инга посмотрела на меня поверх чашки.

— Как думаешь?

Я рассмеялась.

— Инга, я только развелась. Ты решила меня в Ярославль отправить?

— Я решила сказать о работе, которая тебе может понравиться. А ехать или не ехать — твое дело.

Я снова посмотрела на нее.

Это прозвучало неожиданно приятно.

Не предложение немедленно изменить всю жизнь.

Просто возможность.

— Они ищут удаленного редактора?

— Пока не знаю. Светлана говорила, что им нужен человек, который умеет работать и с авторами, и с документами. Возможно, придется ездить.

Я помолчала.

— Звучит интересно.

— Вот и я подумала.

Она достала телефон.

— Могу дать тебе ее контакт. Или сначала спросить, не против ли она разговора.

— Спроси.

Инга улыбнулась.

— Хорошо.

Потом пододвинула ко мне вторую половину круассана.

— Ешь. Ты почти ничего не заказала.

Я посмотрела на нее и засмеялась.

— Вы все сговорились?

— Кто все?

— Павел, Алиса, теперь ты.

— Если трое людей независимо друг от друга предлагают тебе поесть, возможно, стоит прислушаться.

Я взяла круассан.

И впервые за долгое время подумала не о том, что потеряла, а о том, что еще могла попробовать.

Через три дня Инга прислала номер Светланы.

Я написала короткое сообщение, представилась, упомянула нашу общую знакомую.

Ответ пришел вечером.

«Марина Андреевна, добрый день. Инга много хорошего о вас рассказывала. Если удобно, можем завтра созвониться после шестнадцати».

Я согласилась.

Весь следующий день почему-то волновалась.

Хотя ничего особенного не происходило. Меня не приглашали на собеседование. Не предлагали контракт. Просто собирались поговорить о возможной работе.

Но я давно не знакомилась с новыми работодателями без заранее определенных условий. Последние годы заказы приходили по рекомендациям. Я могла выбирать нагрузку, работать дома и почти не менять привычный распорядок.

Когда телефон зазвонил, я сидела за новым столом с раскрытым блокнотом.

— Марина Андреевна? Добрый день. Это Светлана Горина.

Голос оказался низким, спокойным.

Мы поговорили о проектах, которыми я занималась. Светлана спросила, приходилось ли мне работать с архивными материалами, проверять подписи к фотографиям, общаться с авторами, которые болезненно относятся к редакторским исправлениям.

На последнем вопросе я засмеялась.

— Приходилось. Один автор три недели доказывал мне, что его прадед мог присутствовать на событии, которое произошло через двадцать лет после его смерти.

— И чем закончилось?

— Мы нашли письмо, из которого стало понятно, что речь шла о другом родственнике.

— Автор согласился?

— После того как сам увидел документ.

Светлана тоже рассмеялась.

Потом рассказала о серии.

В Ярославле собирались выпускать книги о людях, зданиях и истории города, опираясь на документы, семейные коллекции и воспоминания. Предполагалось много работы с местными авторами, музеями и архивами.

— Нам нужен человек, который не испугается такого объема, — сказала она. — Но я сразу предупреждаю: это не полностью удаленная работа.

Я посмотрела в окно.

— Насколько часто нужно присутствовать на месте?

— Пока обсуждаем. На первом этапе довольно часто. Потом возможны разные варианты. Мы еще формируем команду.

Я записывала.

Работа выглядела интересной. И пугающей.

Мне нравилось редактировать дома. Я сама распоряжалась временем, могла работать ранним утром или вечером. Никто не стоял над душой.

Но иногда ужасно не хватало людей, с которыми можно было бы обсудить текст не по телефону.

— У вас есть портфолио? — спросила Светлана.

— Да.

— Пришлите, пожалуйста. И несколько примеров проектов, где вы занимались не только стилистикой, но и проверкой фактов.

— Конечно.

— Обещать пока ничего не стану. Мы еще определяем сроки и бюджет. Но я бы хотела продолжить разговор.

После звонка я еще несколько минут сидела неподвижно.

Потом открыла папку с рабочими материалами.

За последние годы там накопилось столько всего, что я сама удивилась.

Книги, альбомы, воспоминания, документальные сборники. Небольшие проекты, о которых почти никто не слышал, и несколько изданий, которыми я действительно гордилась.

Я выбрала примеры. Проверила, какие фрагменты можно показывать с разрешения заказчиков. Для остальных подготовила описания работы без закрытых материалов.

К вечеру письмо было готово.

Я перечитала его трижды.

Потом нажала «Отправить».

И вдруг захотела рассказать Павлу.

Не пожаловаться. Не спросить совета.

Просто поделиться.

Он всегда радовался, когда у меня выходила хорошая книга. Приносил домой экземпляры, если видел их в магазине, хвастался перед знакомыми, что жена редактировала издание.

Правда, когда дело доходило до работы, которая могла изменить наш распорядок, радость быстро уступала место практическим возражениям.

Я взяла телефон.

Открыла его контакт.

Посмотрела на фотографию, сделанную два года назад. Павел стоял на берегу озера в простой темной футболке, щурился от солнца. Я тогда специально попросила не улыбаться на камеру.

Он не улыбался, но я знала, что через секунду все равно рассмеялся.

Я закрыла контакт.

Вместо этого написала Инге.

«Поговорили. Отправила портфолио. Спасибо».

Она ответила:

«Отлично. Расскажешь потом».

Я положила телефон.

На этот раз мне не было обидно, что Павел ничего не знал.

Я сама пока не понимала, получится ли из разговора что-нибудь серьезное.

Но мне нравилось, что такая возможность вообще появилась.

В середине апреля Павел написал по делу.

«Марин, у меня остался запасной ключ от твоей квартиры. Когда удобно вернуть?»

Я прочла сообщение дважды.

Ключ я дала ему еще до развода, когда он помогал перевозить коробки. Тогда мне казалось совершенно естественным, что он будет иметь возможность зайти, если привезут оставшиеся вещи или понадобится встретить доставку.

Теперь он сам вспомнил о ключе.

Я посмотрела в календарь.

В четверг до пяти у меня была работа. Вечером никаких планов.

«В четверг после шести буду дома».

Ответ пришел быстро.

«Заеду около половины седьмого. Подойдет?»

«Да».

Я положила телефон.

Потом зачем-то пошла в ванную, посмотрела на себя в зеркало.

И рассердилась.

До четверга оставалось два дня.

Ничего особенного не должно было произойти.

Павел привезет ключ. Я скажу спасибо. Он уйдет.

Но уже в среду вечером я заметила, что думаю, какое платье надеть.

В четверг с утра мне пришлось переписывать вступление к главе, потому что автор снова добавил три страницы воспоминаний, не имевших отношения к теме. Потом позвонила заказчица и попросила срочно проверить подписи к фотографиям.

К пяти я устала.

Приняла душ, высушила волосы, надела обычные темные брюки и мягкий светлый свитер.

Посмотрела в зеркало.

Сняла свитер.

Надела другой.

Потом снова первый.

— Прекрати, — сказала я своему отражению.

В половине седьмого раздался звонок.

Я открыла дверь.

Павел стоял на площадке с небольшим бумажным пакетом.

На нем была темная куртка, под которой виднелся серый джемпер. Волосы после ветра слегка растрепались. Он выглядел уставшим.

Я почувствовала знакомый запах его одеколона.

И на мгновение забыла, что собиралась сказать.

— Привет, — произнес он.

— Привет.

Павел достал из кармана ключ.

— Вот.

Я протянула руку.

Металл оказался теплым.

— Спасибо.

Он посмотрел мне за плечо.

— Как дела?

— Нормально. Работаю.

— Вижу.

Я невольно обернулась.

Из прихожей был виден новый стол.

— Купила, — объяснила я.

— Хороший.

Я ждала, что он скажет что-нибудь о размере, о конструкции, о том, как лучше поставить.

Он только кивнул.

Мы стояли друг напротив друга, и я все сильнее чувствовала себя глупо, потому что не знала, куда деть руки.

— Зайдешь? — спросила я наконец. — Чай попьешь?

Павел посмотрел на меня.

— Если не помешаю.

— Нет.

Я отступила.

Он снял куртку, повесил на свободный крючок. Сделал это так привычно, что у меня болезненно сжалось сердце.

Потом прошел в комнату.

— Ну вот, — сказал он, рассматривая стол. — Теперь работать удобно.

— Очень.

— Сама собирала?

— Мастер.

Павел чуть улыбнулся.

— Значит, надежно.

— Ты бы справился не хуже.

— Может быть. Но мастер хотя бы знает, куда все винты девать.

Я засмеялась.

Он тоже.

На несколько секунд между нами стало почти легко.

Я пошла на кухню.

— Чай или кофе?

— Чай.

— Черный?

— Да.

Я достала две чашки. Поставила чайник.

Павел остановился возле окна.

— Здесь светло.

— Утром особенно.

— Соседи не мешают?

— Сверху музыку иногда слушают.

— Поздно?

— Нет. Пока терпимо.

Он кивнул.

Я видела, как ему хочется что-нибудь предложить. Поговорить с соседями, проверить окна, переставить стол.

Но он молчал.

Я вдруг подумала, что мне не хватает даже этих его советов.

Не всех.

Некоторых.

Павел сел за маленький кухонный стол.

Я поставила перед ним чашку.

— Как у тебя дела? — спросила я.

— Нормально.

— На занятия ездишь?

— Два раза в неделю. Вчера еще просили дополнительную группу взять.

— Согласился?

— Пока нет. Посмотрю по времени.

Я кивнула.

Он помешал чай.

Кольца на его пальце не было.

Я заметила это сразу, хотя старалась не смотреть.

На месте обручального кольца осталась едва заметная светлая полоска.

Мое лежало в маленькой шкатулке в шкафу. Я сняла его через неделю после переезда.

Долго держала в руке, прежде чем убрать.

Мне не хотелось продавать кольцо или выбрасывать. За двадцать четыре года оно стало частью нашей жизни.

Я пока не знала, что с ним делать.

— Алиса к тебе приезжала? — спросил Павел.

— Да. Помогла с книгами.

— Мне рассказывала.

— Она у тебя тоже была?

— В воскресенье. Мы обедали.

Я улыбнулась.

— Надеюсь, не одной кашей кормил.

Он поднял бровь.

— Я приготовил мясо.

— Сам?

— Представь себе.

— И как получилось?

— Алиса сказала, что съедобно.

Я рассмеялась.

Павел смотрел на меня.

И вдруг его лицо изменилось. Совсем немного. Исчезла привычная сдержанная улыбка, взгляд стал серьезным.

Мне показалось, что он тоже вспоминает наши общие ужины.

Павел первым отвел глаза.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал он.

Я почувствовала, как теплеют щеки.

— Спасибо.

— Я серьезно.

— Я поняла.

Он отпил чай.

Я смотрела на его руку, на знакомую линию запястья, на то, как он держал чашку.

Мне очень захотелось сесть ближе.

Положить ладонь поверх его ладони.

Почувствовать, как он повернется ко мне.

Я так привыкла к возможности прикасаться к нему, что теперь каждое движение требовало усилия.

Павел поставил чашку.

— Марин, я хотел спросить.

У меня перехватило дыхание.

— Что?

— Ты нашла все документы? Ничего не осталось в моем шкафу?

Я медленно выдохнула.

— Кажется, все.

— Если что-то вспомнишь, скажи. Я посмотрю.

— Хорошо.

Он помолчал.

— И маме я объяснил насчет машинки. Сам встретил доставку.

— Установили?

— Да. Работает.

— Она довольна?

— Очень. Теперь собирается перестирывать половину квартиры.

Я улыбнулась.

Лидия Семеновна любила порядок. Когда Павел был маленьким, она работала бухгалтером, воспитывала его одна и, по его словам, умудрялась держать дом в таком состоянии, будто в любой момент могла приехать комиссия.

Со мной она всегда была добра.

Даже когда мы с Павлом начали жить отдельно, ни разу не позвонила с упреками.

Только однажды спросила, здорова ли я.

Я ответила, что да.

Она сказала:

«Ну и хорошо, девочка. Остальное потом».

Мне было трудно представить, как теперь приезжать к ней в гости.

Павел допил чай.

— Спасибо, — сказал он, поднимаясь.

Я тоже встала.

Мы вышли в прихожую.

Он надел куртку, поправил воротник.

Я стояла возле двери.

— Марин.

— Да?

Он посмотрел на меня.

— Ты правда нормально здесь устроилась?

Я оглянулась на комнату.

На стол, книги, лампу. На небольшую кухню, где две чашки стояли рядом.

— Да, Паша.

Он кивнул.

— Хорошо.

Я видела, что ему хочется сказать еще что-то.

Мне тоже.

Я хотела спросить, скучает ли он. Хотела узнать, снимает ли часы перед сном, как раньше, и на какую сторону кровати теперь ложится. Хотела спросить, не просыпается ли иногда ночью от того, что рядом никого нет.

Но вместо этого произнесла:

— Осторожно на дороге.

Павел чуть улыбнулся.

— Обязательно.

Он вышел.

Я закрыла дверь и осталась стоять в прихожей.

Ключ лежал у меня на ладони.

Обычный металлический ключ с синей пластиковой головкой.

Теперь запасного у него не было.

Я положила его на полку возле зеркала.

Потом прошла на кухню.

Чашка Павла стояла возле раковины. На дне оставалось немного чая.

Я взяла ее.

И неожиданно прижала к себе.

Меня накрыло такой тоской, что пришлось опереться рукой о стол.

Я любила этого мужчину.

Все еще любила.

И от этого ничего не становилось проще.

После его визита несколько дней я чувствовала себя странно.

Не несчастной. Скорее растерянной.

Раньше мне казалось, что после развода можно будет провести четкую линию.

Вот здесь наша общая жизнь закончилась.

А здесь началась моя.

Но Павел продолжал существовать в десятках мелочей.

Я слышала его голос, когда видела плохо припаркованную машину. В магазине автоматически смотрела на его любимый сыр. Если в новостях говорили о сильном снегопаде на трассе, вспоминала, как он однажды ехал через метель и позвонил мне только тогда, когда уже благополучно добрался.

Я долго сердилась на него за тот случай.

Потом так радовалась, что он вернулся, что забыла о ссоре.

Теперь мне не нужно было следить, где он ездит.

Но привычка беспокоиться осталась.

Однажды я почти набрала его номер, когда увидела объявление о продаже старого автомобиля той марки, которую он любил.

Потом убрала телефон.

А через минуту подумала: почему, собственно, нельзя отправить ему фотографию?

Мы ведь не враги.

Я так и не отправила.

Не потому, что запрещала себе общаться.

Просто знала: стоит ему ответить чем-нибудь смешным, как мне захочется продолжить разговор.

А потом встретиться.

А потом узнать, почему мы вообще развелись, если можем так хорошо разговаривать.

Я пока не доверяла себе в этом вопросе.

Но и превращать свою жизнь в бесконечную борьбу с желанием позвонить не собиралась.

В конце концов я убрала его переписку из закрепленных.

Не удалила.

Просто перестала держать первой в списке.

Однажды вечером позвонила Светлана Горина.

Я как раз закончила работу и собиралась ужинать.

— Марина Андреевна, добрый вечер. Не слишком поздно?

— Нет, совершенно.

— Я посмотрела ваше портфолио.

Я выпрямилась.

— И как вам?

— Интересно. Особенно работа с семейными архивами. Мне понравилось, что вы отдельно указали, где проверяли факты, а где занимались структурой текста.

— Спасибо.

— У нас сейчас много обсуждений по будущей серии. Пока не готова предложить конкретную должность, но хотела бы оставаться на связи.

Я почувствовала одновременно радость и разочарование.

Хотелось получить ясный ответ. Даже отрицательный был бы проще ожидания.

Но я понимала, что издательство не обязано создавать вакансию только потому, что мне понравился проект.

— Конечно, — сказала я. — Мне интересно ваше направление.

— Вы вообще рассматриваете работу с присутствием в Ярославле?

Я посмотрела на календарь на стене.

В Москве у меня оставались дочь, подруга, привычные заказчики.

И Павел.

Хотя последнее уже не должно было определять мои профессиональные решения.

— Да, — ответила я. — Если будут понятные условия и задачи.

Светлана одобрительно хмыкнула.

— Это разумно. Я сама не люблю разговоры в духе «приезжайте, а там разберемся».

Мы обсудили несколько проектов, сроки которых пока только намечались.

Перед тем как попрощаться, она сказала:

— Марина Андреевна, я ваш контакт сохраню. Когда у нас появится конкретика, напишу. И вы тоже не пропадайте.

— Договорились.

После звонка я положила телефон на стол.

Некоторое время смотрела на пустой экран.

Я могла бы работать в Ярославле.

Мысль казалась одновременно прекрасной и нелепой.

Мне было сорок пять. Я никогда не жила одна в другом городе. Даже в студенческие годы оставалась в Москве. Потом вышла замуж, родилась Алиса, начались переезды по работе Павла, и все мои перемещения были связаны с семьей.

А теперь мне впервые предложили подумать о месте, куда я могла бы поехать ради собственной работы.

Я открыла карту.

Посмотрела, где находится издательство, как далеко вокзал, какие районы расположены рядом.

Потом закрыла.

Пока рано.

Но я уже знала, что вернусь к этому вопросу.

В конце апреля мне позвонила Лидия Семеновна.

Я сразу выпрямилась, словно она могла увидеть меня через телефон.

— Марина, здравствуй, девочка.

— Здравствуйте, Лидия Семеновна.

— Как поживаешь?

— Хорошо. Работаю. А вы?

— Да все по-старому. Павел машинку привез, теперь стираю все подряд. Хорошая вещь, только кнопок слишком много.

Я улыбнулась.

— Разберетесь.

— Уже разобралась. Я тебе по другому поводу звоню.

Я замерла.

Она немного помолчала.

— У меня в конце мая юбилей. Семьдесят пять лет, представляешь?

— Конечно, помню.

— Вот. Будем собираться. Не очень много народу, свои. Я хочу, чтобы ты пришла.

Я посмотрела в окно.

— Лидия Семеновна...

— Подожди, не отказывайся сразу.

— Я не отказываюсь.

— Тогда хорошо.

В ее голосе появилась решительность, которую я прекрасно знала.

— Я Павлу сказала, что приглашу тебя. Он ничего против не имеет.

— Я понимаю.

— И ты пойми. Вы с ним сами решите, как вам дальше жить. Я в ваши дела лезть не собираюсь. Но я тебя двадцать четыре года знаю. Ты для меня не посторонняя.

Я закрыла глаза.

Мне вдруг захотелось обнять ее.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что позвонили.

Она негромко вздохнула.

— Марина, я ведь не только мать Павла. У меня тоже есть свои привязанности.

Я некоторое время не могла ответить.

Потом спросила:

— А кто будет?

Лидия Семеновна начала перечислять.

Алиса. Павел. Несколько родственников. Две ее подруги, которых я знала много лет. Соседка с мужем.

— Ничего большого, — закончила она. — Я уже не хочу шумных праздников. Посидим, поговорим. Павел ресторан заказал, чтобы я не возилась.

Я невольно улыбнулась.

— Разумно.

— Вот и я так сказала.

Она назвала дату и время.

Я записала.

— Приду, — сказала я.

— Вот и хорошо. Только ничего готовить не надо. Я знаю тебя.

— Я могу хотя бы...

— Нет. Ты у меня гостья.

Это слово прозвучало непривычно.

Гостья.

Раньше я приезжала к ней за день до праздника, помогала выбирать посуду, проверяла, всего ли хватит. Мы с Алисой покупали цветы, Павел занимался основными приготовлениями.

Теперь меня приглашали просто прийти.

Я попыталась представить себя за общим столом.

Рядом Алиса.

Напротив Павел.

Интересно, будет ли он смотреть на меня? Станет ли разговаривать так же спокойно, как при последней встрече? Или будет держаться подальше, чтобы никому не стало неловко?

— Марина? — позвала Лидия Семеновна.

— Да, я слушаю.

— Ты не переживай. Я не собираюсь вас специально мирить.

Я неожиданно рассмеялась.

— А я уже испугалась.

— Вот еще. Мне семьдесят пять, а не пятнадцать. Я прекрасно понимаю, что к чему.

Она помолчала.

— Ты только приходи. Я буду рада.

— Обязательно.

Мы попрощались.

Я положила телефон и долго сидела у окна.

Внизу женщина в светлом пальто вела за руку маленькую девочку. Ребенок остановился возле лужи, что-то сказал, и мать присела перед ним на корточки.

Я смотрела на них и вспоминала, как Алиса в детстве тоже обожала лужи.

Павел всегда приносил домой резиновые сапоги, когда начиналась весна. Потом ругался, что дочь все равно умудряется промочить ноги.

Однажды мы гуляли втроем в парке. Алиса поскользнулась, упала прямо в воду, а Павел поднял ее на руки вместе с мокрым комбинезоном.

Дочь хохотала.

Я ругалась.

Он нес ее до машины, делая вид, что перед ним важная военная операция.

В тот вечер мы долго смеялись, пока сушили одежду.

Я улыбнулась воспоминанию.

Потом посмотрела на календарь.

До юбилея оставался почти месяц.

Я могла подготовиться.

Выбрать подарок. Решить, что надеть. Настроиться на встречу.

И все равно прекрасно понимала: когда войду в ресторан, первым делом начну искать глазами Павла.

Мне было неприятно признавать это.

Я ведь собиралась на день рождения Лидии Семеновны. Она позвала меня потому, что я была ей дорога, и я любила ее.

Павел здесь ни при чем.

Но стоило представить, что он поднимет голову и увидит меня, как сердце начинало биться быстрее.

Я закрыла календарь.

Потом открыла шкаф.

На дальней вешалке висело темно-синее платье, которое я купила еще прошлой осенью. Простое, приталенное, с открытой линией шеи. Я примерила его в магазине и сразу поняла, что оно мне нравится.

Павел тогда позвонил, спросил, когда я освобожусь. Я сказала, что скоро, и купила платье, не показывая ему.

Дома надела, вышла в спальню.

Он отложил телефон.

Посмотрел на меня.

— Красивое.

Я повернулась перед зеркалом.

— Не слишком открыто?

Павел подошел сзади, положил ладони мне на талию.

— Мне нравится.

Я помнила, как его пальцы скользнули по ткани. Как он наклонился к моему уху и сказал что-то тихое, от чего я рассмеялась и покраснела.

Потом мы собирались на ужин к знакомым, он долго искал часы, я торопила его. Вечером платье уже не казалось чем-то особенным.

А сейчас оно висело передо мной.

Я сняла его с вешалки.

Приложила к себе.

Потом решительно убрала обратно.

До праздника оставался месяц.

Мне еще надо было закончить две рукописи, подготовить материалы для нового заказчика, встретиться с Ингой и купить Лидии Семеновне подарок.

Я закрыла шкаф.

Но через минуту снова открыла.

Провела пальцами по гладкой темно-синей ткани.

И наконец призналась себе в том, о чем старалась не думать с самого развода.

Я не просто скучала по Павлу.

Я хотела, чтобы он снова посмотрел на меня как на женщину.

Не на бывшую жену, которой нужно помочь с коробками. Не на мать его дочери. Не на человека, который двадцать четыре года знал, сколько сахара положить ему в чай.

Я хотела увидеть в его глазах то самое желание, от которого когда-то забывала, что собиралась сказать.

И от этой мысли мне стало страшнее, чем от предстоящей встречи.

Потому что разводиться с Павлом я уже научилась.

А вот перестать хотеть собственного бывшего мужа пока не умела.

Глава 3. Первое свидание после развода

В день юбилея Лидии Семеновны я дважды хотела остаться дома.

Первый раз — когда обнаружила, что у темно-синего платья заедает молния.

Второй — когда Алиса прислала фотографию из ресторана.

На снимке Павел стоял возле накрытого стола и разговаривал с Сергеем Калининым. На нем были темные брюки и светлая рубашка с расстегнутой верхней пуговицей. Рукава он закатал до локтей.

Я увеличила фотографию.

Павел смеялся.

Не улыбался вежливо, как обычно на официальных мероприятиях, а по-настоящему смеялся, слегка запрокинув голову.

Снимок был сделан со стороны, и я хорошо видела знакомые морщинки возле его глаз.

Под фотографией Алиса написала:

«Мы уже на месте. Бабушка тебя ждет. Только не торопись, все равно раньше семи не сядем».

Я посмотрела на часы.

Половина шестого.

До ресторана ехать около сорока минут. Вызвать такси можно в любой момент. Подарок был упакован, туфли стояли возле двери, волосы уложены.

Нужно было всего лишь застегнуть платье.

Я завела руку за спину, нащупала молнию и потянула вверх. Застежка дошла до середины и остановилась.

— Да что ж такое!

Я опустила ее, расправила ткань и попробовала снова.

На этот раз получилось.

Я выпрямилась перед зеркалом.

Платье сидело хорошо.

Темно-синее, с мягкой линией выреза и узкой талией, оно делало фигуру стройнее. Я купила его еще осенью, но надевала всего однажды.

Тогда Павел сказал, что мне идет.

Я повернулась боком.

Сорок пять лет.

Иногда я удивлялась, насколько быстро менялось представление о собственном возрасте. В тридцать мне казалось, что после сорока женщина становится серьезнее, спокойнее и уже точно знает, чего хочет.

Теперь я стояла перед зеркалом, выбирала серьги и боялась встречи с бывшим мужем сильнее, чем когда-то первого свидания с ним.

Я достала из шкатулки небольшие серебряные серьги.

Подумала.

Убрала обратно.

Выбрала длинные, с темными камнями.

Они были наряднее. И мне нравились.

Именно мне.

Я специально напомнила себе об этом, пока застегивала первую.

Телефон снова завибрировал.

Инга.

«Ну что, готова к выходу в свет?»

Я отправила ей фотографию в зеркале.

Ответ пришел почти сразу.

«Отлично выглядишь. И перестань поправлять платье, оно нормальное».

Я засмеялась.

«Откуда знаешь, что поправляю?»

«Семь лет дружбы, дорогая».

Я положила телефон на стол и еще раз посмотрела на свое отражение.

Павел уже видел меня в этом платье.

Но тогда я была его женой.

Сейчас предстояло войти в зал, где многие знали о нашем разводе.

Мне хотелось выглядеть уверенной.

А еще хотелось, чтобы он не смог отвести от меня взгляд.

Я могла сколько угодно объяснять себе, что собираюсь на юбилей Лидии Семеновны, а не на свидание. Но от собственной правды спрятаться не получалось.

Я взяла маленькую сумочку, проверила телефон, ключи и помаду.

Потом подошла к коробке с подарком.

Ее я готовила почти три недели.

Лидия Семеновна много лет хранила старые фотографии в картонной коробке из-под обуви. Некоторые снимки пожелтели, другие были надорваны по краям. Несколько лет назад она попросила меня помочь разобрать их и сделать цифровые копии для Алисы.

Тогда я отсканировала почти все.

А недавно, подбирая подарок, вспомнила один снимок.

Молодая Лидия Семеновна стояла в городском парке и держала за руку маленького Павла.

На фотографии ему было около двух лет.

Он носил полосатую шапочку, короткие штанишки и совершенно серьезно смотрел в объектив.

Лидия Семеновна смеялась.

Такой я ее никогда не видела.

Я нашла старый файл, попросила знакомого специалиста аккуратно восстановить поврежденные участки, а потом заказала качественную печать.

Фотографию вставили в простую деревянную рамку.

Вторую копию я положила в конверт.

Никаких дорогих украшений или бесполезных сувениров.

Мне казалось, она обрадуется.

Я поправила ленту на коробке.

Вызвала такси.

И наконец вышла из квартиры.

Ресторан находился недалеко от набережной.

Небольшой, с большими окнами и теплым освещением, он выглядел именно так, как любила Лидия Семеновна. Без позолоченных колонн, огромных люстр и музыки, от которой невозможно разговаривать.

Я приехала за десять минут до семи.

У входа остановилась, чтобы поправить волосы.

Потом рассердилась на себя и убрала руку.

Дверь открыл молодой администратор.

— Добрый вечер. Вы на мероприятие?

Я назвала фамилию.

Меня проводили в отдельный зал.

И первое, что я увидела, был Павел.

Он стоял возле окна, разговаривал с мужчиной, которого я не знала. На этот раз не смеялся. Слушал, чуть склонив голову, и держал в руке стакан воды.

Я остановилась на пороге всего на секунду.

Но он успел меня заметить.

Павел поднял глаза.

И замолчал посреди разговора.

Я почувствовала это почти физически.

Его взгляд скользнул по моему лицу, волосам, платью и снова остановился на лице.

Потом он поставил стакан на подоконник.

Я сделала шаг вперед.

— Марина!

Лидия Семеновна поднялась из-за стола раньше, чем я успела ее увидеть.

Она была в красивом светлом костюме, с аккуратно уложенными седыми волосами и жемчужной нитью на шее.

Я быстро пошла к ней.

— С днем рождения!

Она обняла меня обеими руками.

— Девочка моя, пришла!

Я поцеловала ее в щеку.

— Конечно. Вы же пригласили.

— Я рада. Очень рада.

Она отступила, осмотрела меня.

— Какая красивая! Ты посмотри, Алиса, какая у тебя мать!

— Я ей уже говорила, — отозвалась дочь откуда-то справа.

Я засмеялась.

Лидия Семеновна обняла меня еще раз.

И только тогда я заметила Павла рядом.

Он подошел тихо.

— Привет, Марин.

— Привет.

Мы посмотрели друг на друга.

Он был выше меня почти на голову. Даже на каблуках мне приходилось чуть поднимать лицо.

Вблизи я увидела, что он побрился совсем недавно. На подбородке осталась маленькая красная царапина.

В другой жизни я обязательно коснулась бы ее пальцем и спросила, куда он опять торопился.

Сейчас просто стояла.

— Хорошо выглядишь, — сказал Павел.

Я почувствовала, как у меня теплеют щеки.

— Спасибо.

Он помолчал.

— Очень хорошо.

Лидия Семеновна довольно хмыкнула.

— Павел, помоги Марине с подарком. Она сейчас все уронит.

Я опустила глаза.

Коробка действительно начала выскальзывать из руки.

Павел протянул ладонь.

— Давай.

Я передала ему подарок.

Наши пальцы соприкоснулись.

Совсем ненадолго.

И все же я растерялась.

— Куда поставить? — спросил он.

— Пока сюда, — распорядилась мать. — На отдельный столик. Потом посмотрим.

Павел отнес коробку.

Я сняла легкий плащ и передала его подошедшему сотруднику.

Алиса тут же оказалась рядом.

— Мам, ты шикарно выглядишь!

— Спасибо.

— Я серьезно. Платье тебе очень идет.

Она обняла меня и шепнула:

— Только не волнуйся.

Я посмотрела на нее.

— С чего ты взяла, что волнуюсь?

Алиса выразительно приподняла бровь.

Точь-в-точь как Павел.

Я вздохнула.

— Не начинай.

— Даже не собиралась.

Она взяла меня под руку.

— Пойдем. Я тебе место покажу.

За столом уже сидели несколько гостей.

Я поздоровалась со знакомыми, представилась незнакомым.

Сергей Калинин поднялся мне навстречу.

— Марина Андреевна! Наконец-то!

— Сережа, не начинай.

Он рассмеялся и поцеловал мне руку с такой нарочитой торжественностью, что я не удержалась от улыбки.

Сергей был старым другом Павла. Они познакомились еще молодыми офицерами, много лет поддерживали отношения, а теперь оба находились в отставке.

В отличие от Павла, Сергей умел разговаривать с незнакомыми людьми так, будто знаком с ними с детства.

— Я уж думал, не дождемся, — сказал он.

— Алиса предупредила, что раньше семи не садимся.

— Вот видишь, дисциплина в семье сохранилась.

Я покосилась на него.

Сергей чуть смутился.

— Извини. Неудачно.

— Ничего.

Он сразу сменил тему.

— Ты все с книгами воюешь?

— Скорее они со мной.

— Надо тебе мои воспоминания отдать. Там материал на три тома.

— Только если ты готов к правкам.

— Я генеральскую дружбу пережил. Что мне какие-то правки?

Я засмеялась.

Павел подошел в тот момент, когда Сергей рассказывал историю о том, как однажды отправил рукопись знакомому редактору, а получил обратно почти пустой текст.

— Ты сам половину придумал, — заметил Павел.

— Не придумал, а художественно обработал.

— Особенно ту часть, где ты якобы лично остановил поезд.

— А кто его остановил?

— Дежурный по станции.

Сергей развел руками.

— Вот поэтому с ним невозможно писать мемуары. Никакой фантазии.

Мы рассмеялись.

Павел посмотрел на меня.

Я улыбалась.

И на несколько секунд забыла, что мы больше не муж и жена.

Место мне отвели рядом с Алисой.

Павел сидел напротив, немного наискосок.

Я заметила это сразу.

В прежние годы мы почти всегда садились рядом. Он пододвигал мой стул, я спрашивала, не хочет ли он поменяться местами, если из окна дуло.

Теперь между нами лежала широкая белая скатерть.

На столе стояли цветы, небольшие блюда с закусками, бокалы и аккуратно сложенные салфетки.

Лидия Семеновна устроилась во главе стола и с явным удовольствием наблюдала за гостями.

Праздник начался спокойно.

Первые тосты были короткими. Несколько старых подруг именинницы вспоминали молодость, соседка рассказывала, как они познакомились во дворе, Алиса произнесла трогательные слова, от которых бабушка прослезилась.

Павел поднялся ближе к середине вечера.

Я смотрела на него поверх бокала.

Он не любил длинных речей на семейных праздниках. Обычно говорил несколько простых предложений, обнимал мать и садился.

На этот раз тоже не стал устраивать выступление.

— Мам, я не буду перечислять все, что ты для меня сделала, — сказал он. — Во-первых, мы тогда до утра просидим. Во-вторых, половину ты все равно скажешь, что я преувеличил.

Гости засмеялись.

Лидия Семеновна покачала головой.

— Правильно скажу.

— Знаю.

Павел улыбнулся.

— Когда я был маленьким, мне казалось, что ты можешь решить любую проблему. Теперь понимаю, что тебе иногда было трудно. Но ты никогда не делала из этого моей проблемы.

Он помолчал.

— Спасибо тебе. За дом, за терпение и за то, что ты всегда была рядом. Я хочу, чтобы у тебя впереди было еще много хороших лет. А мы постараемся не мешать тебе ими наслаждаться.

Лидия Семеновна рассмеялась сквозь слезы.

— Вот это самое главное!

Павел подошел, обнял ее.

Я опустила глаза.

Его слова были простыми, но я знала, что за ними стоит.

Отец Павла умер, когда сын был еще маленьким. Лидия Семеновна одна работала, растила его, помогала своей матери. Павел редко рассказывал об этом времени.

Иногда только вспоминал, как она возвращалась с работы поздно вечером и все равно проверяла его тетради.

Я видела, как он поцеловал мать в висок.

И почувствовала знакомую нежность.

Именно за такие вещи я его когда-то полюбила.

За то, что снаружи он мог казаться суровым, а дома никогда не стеснялся обнять мать или дочь.

Потом подали горячее.

Павел спросил через стол:

— Марин, тебе рыбу или мясо?

Я подняла глаза.

— Рыбу.

— С лимоном?

— Да.

Он передал мою просьбу официанту.

Алиса рядом чуть улыбнулась.

Я наступила ей на ногу под столом.

Она едва не поперхнулась водой.

— Мам!

— Что?

— Ничего.

Павел посмотрел на нас с подозрением.

— Что происходит?

— Женские секреты, — объявила Алиса.

— Понятно.

Он покачал головой.

Я отвернулась, пряча улыбку.

В этот момент одна из подруг Лидии Семеновны, Тамара Петровна, которая знала нас много лет, наклонилась ко мне.

— Марина, а вы летом куда-нибудь собираетесь?

— Пока не решила.

— А Павел говорил, что хотел за городом пожить. Вы так и не нашли дом?

Я почувствовала, как улыбка исчезает с моего лица.

Алиса перестала двигать вилкой.

Павел тоже услышал вопрос.

Тамара Петровна смотрела на меня совершенно доброжелательно. Ей, кажется, никто не объяснил, что мы развелись.

Я положила салфетку на колени.

— Мы с Павлом теперь живем отдельно.

Она растерянно моргнула.

— Как отдельно?

Я уже открыла рот, но Павел заговорил раньше.

— Мы развелись, Тамара Петровна.

Он произнес это спокойно.

Без раздражения и без попытки смягчить слово.

Женщина посмотрела на него, потом на меня.

— Ох, простите. Я не знала.

— Ничего страшного, — ответила я.

Она смутилась так сильно, что мне самой стало неловко.

— Я ведь просто спросила...

— Конечно, — сказала я. — Все нормально.

Павел взял стакан.

— А насчет дома я передумал.

Я посмотрела на него.

Он не стал объяснять почему.

Просто вернулся к разговору с Сергеем.

И мне вдруг стало легче.

Он не сказал, что мы временно разъехались.

Не предложил никому надеяться на наше примирение.

Не стал изображать обиженного мужа.

Мы действительно развелись.

И он признал это перед людьми, которые много лет считали нас одной семьей.

Подарки Лидия Семеновна решила посмотреть после ужина.

Она распорядилась принести коробки на небольшой столик возле окна и устроилась в кресле.

— Только не торопите меня, — предупредила она. — Я хочу все рассмотреть.

Гости обступили ее.

Алиса вручила бабушке красивый плед.

Соседка подарила набор посуды.

Сергей принес редкое издание книги, которую Лидия Семеновна давно искала.

Она так обрадовалась, что сразу начала листать страницы.

Мой подарок остался почти последним.

Павел принес коробку и поставил перед матерью.

— Это от Марины, — сказал он.

Я присела рядом.

— Только открывайте осторожно. Там стекло.

Лидия Семеновна развязала ленту.

Сняла крышку.

Увидела рамку.

Сначала она не поняла.

Я заметила, как ее пальцы остановились на краю фотографии.

Потом она наклонилась ближе.

— Господи...

В зале стало тихо.

Лидия Семеновна медленно достала рамку.

На снимке она стояла под деревом в светлом платье, а рядом маленький Павел держал ее за руку.

— Откуда? — спросила она.

— Помните, вы давали мне старые фотографии? Я тогда сделала копии. Этот снимок был сильно поврежден, но его удалось восстановить.

Она провела пальцем по деревянной рамке.

— Это парк возле нашего старого дома.

Павел подошел ближе.

— Мам?

Она повернула фотографию к нему.

Я увидела, как изменилось его лицо.

— Надо же, — тихо произнес он.

Сергей заглянул через плечо.

— Это ты, что ли?

— Я.

— Красавец какой.

— И сейчас не хуже, — заметила Лидия Семеновна.

Все засмеялись.

Павел тоже улыбнулся, но продолжал смотреть на фотографию.

Я знала, что этот снимок ему дорог.

Когда-то он рассказывал мне о том парке. О маленьком фонтане, который зимой закрывали деревянным коробом. О киоске с мороженым. О том, как мать покупала ему сладкую вату, хотя сама считала ее бесполезной тратой денег.

Лидия Семеновна прижала рамку к груди.

— Марина, девочка моя...

Я наклонилась, обняла ее.

Она поцеловала меня в щеку.

— Спасибо. Я ведь совсем забыла про эту фотографию.

— Там еще копия в конверте, — сказала я. — На случай, если захотите кому-нибудь дать.

Она улыбнулась.

— Павлу отдам.

— У меня есть цифровая, мам, — ответил он.

— А я бумажную дам. Чтобы дома стояла.

Он не стал спорить.

Когда гости вернулись к столу, Лидия Семеновна попросила меня задержаться.

Я присела возле нее.

Она снова посмотрела на фотографию.

— Мне тогда было двадцать четыре, — сказала она. — Представляешь? Я уже вдовой была. Думала, ничего хорошего впереди не осталось.

Я осторожно взяла ее за руку.

— А потом?

Она улыбнулась.

— Потом Павел в первый класс пошел. Потом я на другую работу устроилась. Мы квартиру получили. Потом он вырос, стал самостоятельным.

Она помолчала.

— Жизнь ведь длинная, Марина. Когда внутри какого-нибудь трудного года находишься, кажется, что он никогда не закончится.

Я почувствовала, как сжалось горло.

Лидия Семеновна посмотрела на меня.

— Ты меня извини, если я тебя сегодня смутила приглашением.

— Не надо извиняться.

— Я правда хотела тебя увидеть.

— Я тоже.

Она погладила мою руку.

— Вот и хорошо.

Я улыбнулась.

Никаких советов о том, что мне нужно простить Павла.

Никаких рассказов о том, как тяжело ему без меня.

Она просто радовалась, что я пришла.

И я вдруг подумала, как много значили для меня эти отношения.

Павел был ее сыном.

Но за двадцать четыре года мы с ней тоже стали близкими людьми.

Мне не хотелось терять ее вместе с браком.

— Я могу приехать к вам на следующей неделе? — спросила я.

Лидия Семеновна оживилась.

— Конечно! Я как раз пирог собиралась печь.

— Только не надо ради меня возиться.

— А я ради себя. Ты мне поможешь съесть.

Мы засмеялись.

Павел стоял неподалеку и смотрел на нас.

Я подняла глаза.

Он не улыбался.

Но выражение его лица было таким теплым, что мне пришлось отвернуться первой.

После девяти гости начали выходить из-за стола.

Кто-то собирался домой, кто-то оставался допить чай. Лидия Семеновна разговаривала с подругами. Алиса фотографировала бабушку с подарками.

Я вышла в коридор, чтобы поправить помаду.

Возле зеркала никого не было.

Я достала косметичку, открыла маленькое зеркальце и увидела, что волосы у виска выбились из укладки.

Убрала прядь за ухо.

Потом услышала знакомый голос:

— Марин.

Я подняла глаза.

Павел стоял в нескольких шагах.

— Ты одна? — спросил он.

Я посмотрела по сторонам.

— Кажется, да.

Он улыбнулся.

— Я хотел сказать спасибо за подарок.

— Не за что.

— Мама очень обрадовалась.

— Я видела.

Павел подошел ближе.

Не вплотную.

Просто остановился рядом, и мне сразу стало трудно дышать ровно.

Он посмотрел на зеркальце в моих руках.

— Я вообще забыл про тот парк, — сказал он.

— Ты мне рассказывал.

— Когда?

— Лет десять назад. Мы тогда ездили к твоей маме, она показывала старые альбомы.

Павел задумался.

— Не помню.

— А я помню.

Он посмотрел на меня.

— Ты многое помнишь.

Я усмехнулась.

— Работа такая.

— Дело не только в работе.

Я закрыла косметичку.

За дверью раздались голоса гостей, кто-то засмеялся.

Павел чуть отступил, пропуская официанта с подносом.

Я могла вернуться в зал.

Могла сказать, что мне пора домой.

Но почему-то продолжала стоять возле зеркала.

— Ты сегодня красивая, — произнес Павел.

Я подняла на него глаза.

— Ты уже говорил.

— Тогда скажу еще раз.

Я почувствовала, как сердце начинает биться быстрее.

Он посмотрел на мое платье.

— Это то самое?

Я улыбнулась.

— Какое?

— Которое мы осенью выбирали.

— Я сама выбирала.

— Точно.

Он чуть усмехнулся.

— А я потом сказал, что мне нравится.

— Помню.

Павел помолчал.

— Мне и сейчас нравится.

Я опустила взгляд на его рубашку.

На расстегнутую верхнюю пуговицу.

На шею, которую когда-то целовала, не задумываясь, имею ли на это право.

— Спасибо, Паша.

Он не двигался.

Я почувствовала себя так, словно мы стояли на краю чего-то опасного.

И дело было не в том, что Павел мог меня поцеловать.

Страшнее было другое.

Я знала, что хочу этого.

Очень.

За последние месяцы я привыкла держаться от него на расстоянии. Мы разговаривали, решали бытовые вопросы, иногда улыбались друг другу.

Но сейчас он смотрел на меня совсем иначе.

И я боялась, что одно прикосновение разрушит всю мою осторожность.

— Пойдем? — спросила я.

— Пойдем.

Мы вернулись в зал.

Музыка появилась ближе к концу вечера.

В соседнем помещении играли музыканты. Сначала до нас доносился только приглушенный звук фортепиано, потом кто-то попросил открыть двери.

Лидия Семеновна оживилась.

— Ой, хорошая мелодия!

Она поднялась из кресла.

Сергей немедленно предложил ей руку.

— Разрешите пригласить именинницу?

— Ты мне ноги отдавишь.

— Ни за что.

— Вот это самое подозрительное обещание.

Они вышли на небольшую свободную площадку возле окна.

Гости засмеялись.

Я сидела рядом с Алисой и смотрела, как Лидия Семеновна осторожно делает первые шаги.

Сергей оказался неплохим танцором.

Он не пытался крутить ее по всему залу, просто поддерживал под руку и что-то говорил. Она смеялась.

Алиса достала телефон.

— Это надо снять.

Я улыбнулась.

— Только бабушке потом покажи.

— Обязательно.

Потом к танцующим присоединилась еще одна пара.

Алиса отошла снимать бабушку с другого ракурса, и я осталась за столом одна.

Павел сел рядом.

Я почувствовала его присутствие раньше, чем повернула голову.

— Устала? — спросил он.

— Немного.

— Хочешь, я закажу тебе кофе?

— Нет, спасибо.

Он кивнул.

Мы смотрели на танцующих.

Музыка была негромкой. Я узнавала мелодию, но никак не могла вспомнить название.

Павел положил ладонь на стол.

Совсем близко от моей.

Я посмотрела на нее.

Пальцы длинные, сильные. На костяшках несколько старых шрамов.

Я помнила, как эти руки поднимали маленькую Алису. Как Павел придерживал меня за талию, когда мы танцевали на свадьбе друзей. Как однажды нес меня через огромную лужу, хотя я возмущалась, что вполне могу пройти сама.

Мы тогда были моложе.

И я не думала, что когда-нибудь буду сидеть рядом с ним и бояться прикоснуться.

— Марин, — произнес Павел.

— Да?

Он посмотрел на танцующих, потом на меня.

— Потанцуем?

Я замерла.

Это было совсем не то, чего я ждала.

И именно то, чего хотела.

— Здесь? — глупо спросила я.

Павел усмехнулся.

— Нет, на улице. Конечно, здесь.

Я улыбнулась.

Он встал и протянул мне руку.

Я посмотрела на нее.

Могла отказаться.

Никто бы не удивился.

Мы развелись. Я имела полное право провести остаток вечера за столом.

Но мне вдруг надоело все время объяснять себе, чего я не должна хотеть.

Я вложила ладонь в его руку.

— Давай.

Павел помог мне подняться.

Его пальцы сомкнулись вокруг моих.

Теплая знакомая ладонь.

Я почувствовала, как по спине пробежала дрожь.

Он повел меня на свободное место.

Музыка уже сменилась. Теперь играла медленная, спокойная мелодия.

Павел остановился напротив.

На секунду мы оба замешкались.

Раньше он просто обнимал меня за талию, я клала руку ему на плечо, и мы начинали двигаться.

Теперь даже это требовало решения.

Он осторожно положил ладонь мне на спину.

Я подняла руку к его плечу.

И все внутри болезненно сжалось.

Его тело оказалось так близко.

Я чувствовала тепло сквозь тонкую ткань рубашки, знакомый запах, движение его дыхания.

Павел сделал первый шаг.

Я последовала за ним.

Мы немного повернулись.

Потом еще.

Он танцевал хорошо.

Не потому, что знал множество сложных движений. Просто умел вести спокойно, не торопясь, не заставляя меня угадывать, куда мы пойдем дальше.

Когда-то это очень мне нравилось.

Сейчас тоже.

— Ты напряжена, — тихо сказал он.

— Немного.

— Я плохо танцую?

Я подняла на него глаза.

— Ты прекрасно танцуешь. И знаешь это.

Он улыбнулся.

— Хотел убедиться.

Я невольно рассмеялась.

Павел чуть крепче обнял меня.

Я не отстранилась.

Мы продолжали двигаться.

Вокруг разговаривали люди, звенела посуда, кто-то фотографировал именинницу.

Но я почти ничего не слышала.

Только музыку.

И собственное сердце.

Павел смотрел на меня сверху вниз.

— Ты волосы подстригла?

Я удивилась.

— Немного.

— Тебе идет.

— Спасибо.

Он провел большим пальцем по моей ладони.

Совсем легкое движение.

Но у меня перехватило дыхание.

Я знала это прикосновение.

Павел часто делал так, когда мы сидели в машине и держались за руки. Иногда на семейных праздниках, если ему хотелось дать понять, что он рядом.

Я опустила глаза.

— Марин.

— Что?

— Посмотри на меня.

Я подняла голову.

Он смотрел серьезно.

Без уверенности, с которой обычно решал любые вопросы.

И мне вдруг захотелось узнать, о чем он думает.

— Ты похудела, — сказал Павел.

Я удивленно моргнула.

— Немного.

— Специально?

— Нет. Просто первые недели плохо ела.

Его лицо изменилось.

— Марина...

— Не надо.

Он замолчал.

Я сама не знала, почему сказала это так резко.

Наверное, боялась, что сейчас он начнет меня жалеть. Спросит, почему не обращалась за помощью, предложит вернуться.

Мне не хотелось портить танец.

— Сейчас все нормально, — добавила я.

Павел кивнул.

— Хорошо.

Мы сделали еще несколько шагов.

Потом он тихо произнес:

— Я скучаю по тебе.

Я почувствовала, как у меня дрогнули пальцы.

Слова прозвучали просто.

Без попытки убедить.

Без обещаний.

Я смотрела на его лицо.

— Я тоже, — ответила я.

Он медленно выдохнул.

И мне захотелось прижаться к нему еще ближе.

Хотя он и так стоял почти вплотную.

Я опустила голову.

Павел чуть повернулся, уводя нас от другой пары.

Его ладонь скользнула по моей спине и остановилась на талии.

Я почувствовала, что он тоже напряжен.

И это неожиданно успокоило.

Он не был равнодушным.

Не воспринимал меня просто как бывшую жену, с которой можно вежливо потанцевать ради семейного праздника.

Я ему нравилась.

Он хотел быть рядом.

Музыка закончилась слишком быстро.

Мы остановились.

Павел не сразу отпустил меня.

Я тоже не убрала руку с его плеча.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

Потом кто-то рядом зааплодировал музыкантам.

Я вздрогнула.

Павел отступил.

— Спасибо за танец, — сказал он.

Я улыбнулась.

— И тебе.

Мы вернулись к столу.

Алиса смотрела на нас с таким выражением, что мне захотелось спрятаться за салфеткой.

Я села.

Она наклонилась ко мне.

— Мам.

— Что?

— Ничего.

— Алиса.

— Я молчу.

Я посмотрела на нее строго.

Она взяла бокал с водой, но уголки губ у нее продолжали подрагивать.

Я вдруг поняла, что улыбаюсь сама.

И перестала делать вид, будто это меня раздражает.

К десяти вечера гости начали расходиться.

Лидия Семеновна устала, но выглядела счастливой. Она обняла подруг, поблагодарила Сергея, велела Алисе не забыть отправить фотографии.

Когда подошла моя очередь прощаться, она снова взяла меня за руки.

— Спасибо, Марина. И за подарок, и за то, что пришла.

— Мне было очень хорошо.

— Вот и славно. На следующей неделе созвонимся?

— Конечно.

Она поцеловала меня в щеку.

Я обняла ее.

Потом отступила.

Павел помогал матери надеть пальто.

Он стоял ко мне спиной, поправляя воротник.

Я снова увидела того человека, которого знала столько лет.

Удивительно, как сильно можно было скучать по самым обычным вещам.

По тому, как мужчина подает пальто.

Как наклоняется, чтобы лучше расслышать пожилую мать.

Как спокойно отвечает на один и тот же вопрос трижды.

Я уже собиралась идти к выходу, когда Павел обернулся.

Наши взгляды встретились.

Он что-то сказал матери, потом подошел ко мне.

— Ты на такси?

— Да. Собиралась вызвать.

— Я могу отвезти.

Я посмотрела на него.

Он не пил весь вечер.

Это я тоже заметила.

Раньше Павел обычно садился за руль на семейных праздниках. Мне нравилось возвращаться с ним домой поздно вечером. Я снимала туфли в машине, вытягивала ноги и рассказывала, кто что сказал.

Он иногда смеялся.

Иногда просил дать ему хотя бы доехать до дома, прежде чем начинать обсуждать чужие семейные тайны.

Сейчас я могла снова сесть рядом.

Позволить ему включить подогрев сиденья.

Поговорить по дороге.

А потом выйти возле своей квартиры и остаться одна.

Мне вдруг не захотелось именно такого вечера.

Я посмотрела на него.

— Паша, ты очень торопишься?

Он немного удивился.

— Нет.

— Может, пройдемся?

Он молчал всего секунду.

— Конечно.

Я почувствовала облегчение.

— Только сначала попрощайся с мамой.

Павел улыбнулся.

— Я уже.

— Тогда пойдем.

На улице было тепло.

После дождливого апреля май наконец напоминал весну. Деревья покрылись молодой листвой, воздух пах влажным асфальтом и цветами из ближайших клумб.

Мы вышли из ресторана и медленно пошли вдоль улицы.

Павел нес мой легкий плащ, потому что я не захотела надевать его сразу.

Я шла рядом в темно-синем платье и туфлях на каблуках.

Первые несколько минут мы говорили о празднике.

О том, как обрадовалась Лидия Семеновна.

О подарках.

О Сергее, который умудрился рассказать одну и ту же историю трем разным гостям.

— Ты заметила? — спросил Павел.

— Конечно. Причем каждый раз поезд останавливался в другом месте.

Павел рассмеялся.

— К концу вечера он, наверное, уже лично управлял локомотивом.

Я улыбнулась.

Мне нравилось слышать его смех.

Очень.

Мы свернули в сторону набережной.

Там было спокойнее. По тротуару гуляли пары, кто-то катил детскую коляску, несколько молодых людей сидели на скамейке и разговаривали.

Я остановилась возле небольшого киоска с кофе.

— Хочешь? — спросила я.

Павел посмотрел на вывеску.

— Уже поздно.

— Для кофе?

— Для тебя.

Я подняла бровь.

Он сразу усмехнулся.

— Все. Молчу.

Я засмеялась.

— Мне чай.

— Тогда и мне.

Он потянулся за кошельком.

Я достала свою карту раньше.

— Я пригласила.

Павел посмотрел на меня.

— Марин...

— Что?

— Ничего.

Он убрал кошелек.

Я заказала два чая.

Пока молодой продавец готовил напитки, Павел стоял рядом и смотрел на реку.

Я украдкой наблюдала за ним.

В пятьдесят три он выглядел хорошо.

Сильная фигура, широкие плечи, немного седины. На лице появились морщины, которых не было двадцать лет назад. Но они не делали его старым.

Мне нравился этот возраст.

Нравилось, что я знала его молодым, уставшим, раздраженным, счастливым.

Знала, каким он бывает утром, когда еще не успел выпить кофе.

Знала, что в сильную жару он становится молчаливым.

Знала, как он смотрит на меня, когда хочет поцеловать.

И сейчас я вдруг заметила тот самый взгляд.

Павел перехватил мой взгляд.

— Что?

Я смутилась.

— Ничего.

Он чуть прищурился.

— Не похоже.

Продавец поставил на стойку два стакана.

Я поспешила взять свой.

— Пойдем.

Мы направились к набережной.

Чай оказался слишком горячим. Я сделала маленький глоток и поморщилась.

Павел заметил.

— Обожглась?

— Немного.

— Подожди, остынет.

Я посмотрела на него.

Он поднял свободную руку.

— Я просто сказал.

Я рассмеялась.

— Знаю.

Павел тоже улыбнулся.

Мы остановились возле ограждения.

Внизу темнела вода. На противоположном берегу горели окна домов. Легкий ветер шевелил волосы возле моего лица.

Павел положил плащ на руку.

— Ты не замерзла?

— Нет.

Он кивнул.

Я сделала еще один глоток чая.

Некоторое время мы молчали.

И это молчание не было неприятным.

Впервые за последние месяцы мне не хотелось немедленно придумывать тему для разговора.

Я просто стояла рядом с мужчиной, которого любила.

И могла позволить себе несколько минут ни о чем не думать.

— Как работа? — спросил Павел.

Я повернулась к нему.

— Хорошо. Закончила один большой проект.

— Тот, где дед два раза умер?

Я расхохоталась.

— Ты помнишь?

— Конечно.

— Все исправили. Теперь умер один раз, как положено.

Павел улыбнулся.

— Уже хорошо.

Я поставила стакан на широкий край ограждения.

— Еще с одним издательством разговариваю.

Он посмотрел на меня.

— С новым?

— Да. Ярославское. Хотят делать серию документальных книг. Пока ничего определенного, но материалы интересные.

— И что предлагают?

— Пока только обсуждаем. Возможно, придется ездить. Может быть, даже работать там какое-то время.

Павел немного помолчал.

Я знала эту паузу.

Сейчас он начнет спрашивать, зачем мне ехать, если есть работа дома. Сколько будут платить. Кто организует жилье.

Я даже приготовилась защищаться.

Но он спросил:

— Тебе самой хочется?

Я удивилась.

— Да.

— Тогда хорошо.

Я посмотрела на него.

— И все?

Он чуть нахмурился.

— А что еще?

— Ничего.

Павел повернулся к реке.

— Ты давно хотела заняться чем-то большим, чем отдельные заказы.

Я почувствовала, как внутри становится тепло.

— Хотела.

— Помню.

Мне захотелось улыбнуться.

И одновременно я напомнила себе, что один хороший вопрос еще не меняет двадцать четыре года привычек.

Но слышать его все равно было приятно.

— Спасибо, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

— За что?

— За то, что спросил.

Павел некоторое время молчал.

Потом медленно кивнул.

— Понял.

Мы стояли рядом, пока чай не остыл.

Потом пошли дальше.

Через несколько минут у меня начала болеть правая нога.

Туфли были красивые, но для долгих прогулок совершенно не подходили.

Я старалась не хромать.

Павел заметил почти сразу.

— Нога?

— Каблук.

Он посмотрел вниз.

— Зачем ты такие надела?

Я повернула к нему голову.

Он остановился.

Потом сам рассмеялся.

— Неудачно спросил.

Я улыбнулась.

— Очень.

— Давай где-нибудь сядем.

— Можно.

Мы нашли свободную скамейку возле небольшой аллеи.

Я села с облегчением.

Павел устроился рядом.

Не слишком близко.

Между нами оставалось немного места.

Я поставила стаканчик с остатками чая на землю возле скамейки и осторожно сняла туфлю.

Пальцы ныли.

— Натерла? — спросил Павел.

— Немного.

Он наклонился, посмотрел.

— Пластырь нужен?

— Нет, пройдет.

Павел выпрямился.

Я пошевелила пальцами.

— Когда-нибудь научусь выбирать удобную обувь.

— Ты это лет двадцать говоришь.

Я рассмеялась.

— И каждый раз надеюсь.

Он улыбнулся.

Потом посмотрел на мои ноги.

И я заметила, что его взгляд задержался чуть дольше, чем требовалось для оценки натертой пятки.

Я медленно опустила платье на колени.

Павел поднял глаза.

Мы посмотрели друг на друга.

И вдруг между нами снова возникло то напряжение, которое я чувствовала во время танца.

Оно было почти осязаемым.

Я могла протянуть руку и коснуться его лица.

Могла придвинуться.

Могла попросить поцеловать меня.

Никто не мешал.

Только собственный страх.

— Марин, — тихо сказал Павел.

— Да?

Он посмотрел на мою руку, лежавшую на скамейке.

— Можно?

Я не сразу поняла.

Потом увидела, как он чуть протянул свою ладонь.

И улыбнулась.

— Можно.

Павел взял меня за руку.

Не потянул ближе.

Просто переплел наши пальцы.

Я почувствовала тепло его ладони.

И у меня защипало глаза.

Как же мне этого не хватало.

Не цветов.

Не подарков.

Не дорогих ресторанов.

Вот этого простого ощущения, что мужчина рядом хочет держать меня за руку.

Я сжала его пальцы.

Павел посмотрел на меня.

— Я не думал, что ты сегодня придешь, — признался он.

— Почему?

— После развода... Не знал, захочешь ли видеть всех вместе.

— Твоя мама меня пригласила.

— Знаю.

— И я ее люблю.

Он кивнул.

— Она тебя тоже.

Я посмотрела на наши руки.

— Мне было немного страшно.

— Из-за меня?

Я не стала врать.

— Да.

Павел медленно провел большим пальцем по моей ладони.

— Прости.

Я подняла голову.

— За что?

— За то, что тебе пришлось бояться обычного семейного праздника.

Мне захотелось сказать, что он не виноват во всех моих страхах.

Но это было бы неправдой.

Мы оба оказались здесь из-за того, что случилось между нами.

— Я сама боялась, — ответила я. — Ты меня не заставлял.

Павел кивнул.

Мы помолчали.

Потом он тихо произнес:

— Я ведь тоже волновался.

Я повернулась к нему.

— Ты?

Он усмехнулся.

— Представь себе.

— И чего боялся?

Павел посмотрел на меня.

— Что не придешь.

Я почувствовала, как сердце болезненно сжалось.

Он говорил спокойно.

Но я слишком хорошо знала его голос, чтобы не услышать за этой спокойной фразой то, чего он не произнес.

Я придвинулась немного ближе.

Павел посмотрел на меня.

— Марин...

Я не дала ему договорить.

— Паша, а ты вообще представляешь, как мне без тебя?

Он замер.

Я сама удивилась собственным словам.

Не собиралась говорить ничего подобного.

Просто сидела рядом с ним, держала за руку и вдруг устала изображать, будто все уже осталось позади.

Павел повернулся ко мне всем корпусом.

— Нет, — ответил он после паузы. — Наверное, не представляю.

Я опустила глаза.

— Иногда нормально. Работаю, встречаюсь с людьми. Даже радуюсь, что никого не надо ждать.

Он молчал.

— А иногда просыпаюсь ночью и не понимаю, почему тебя нет.

Павел сжал мою руку.

Я подняла голову.

Он смотрел так, что мне стало трудно продолжать.

— Я не хочу возвращаться к тому, как мы жили, — сказала я.

— Я знаю.

— Но это ведь не значит, что я тебя больше не люблю.

Слова сорвались неожиданно.

Я сама испугалась, когда услышала их.

Павел закрыл глаза всего на мгновение.

Потом открыл.

— Марина...

Я покачала головой.

— Не надо сейчас ничего обещать.

Он остановился.

— Хорошо.

Я смотрела на него.

На знакомое лицо.

На седину у висков.

На губы, которые когда-то целовала столько раз, что перестала замечать, насколько мне это нравится.

Я почувствовала, как у меня дрожат пальцы.

Павел осторожно поднял свободную руку.

Коснулся моего лица.

Совсем легко.

Большим пальцем провел по щеке.

Я закрыла глаза.

Это прикосновение оказалось почти невыносимым.

Мне захотелось придвинуться ближе, обнять его за шею и забыть обо всем, что между нами случилось.

Но я открыла глаза.

Павел смотрел на меня.

— Можно тебя поцеловать? — тихо спросил он.

Я почувствовала, как у меня перехватило дыхание.

Раньше он никогда об этом не спрашивал.

Не потому, что не уважал моего желания.

Просто мы много лет были мужем и женой, привыкли понимать друг друга с одного взгляда.

А теперь между нами стояли развод, отдельные квартиры и месяцы одиночества.

И он ждал моего ответа.

Я посмотрела на его губы.

Потом снова в глаза.

— Да.

Павел наклонился.

Первое прикосновение было осторожным.

Почти невесомым.

Он коснулся моих губ и на мгновение отстранился, словно проверяя, не передумала ли я.

Я не передумала.

Наоборот.

Я сама потянулась к нему.

Положила ладонь на его шею, почувствовала теплую кожу под пальцами.

Павел обнял меня за талию.

И поцеловал снова.

Уже не так осторожно.

Я закрыла глаза.

Все вокруг исчезло.

Шум машин.

Разговоры прохожих.

Легкий ветер с реки.

Остался только Павел.

Его близость.

Запах.

Теплая рука на моей спине.

И совершенно забытое ощущение, что меня хотят.

Я ответила на поцелуй так, что он тихо выдохнул мое имя.

Потом мы отстранились.

Не сразу.

Я еще несколько секунд держала ладонь у него на шее.

Павел смотрел на меня.

У него было такое выражение лица, что я почувствовала себя одновременно счастливой и испуганной.

— Марин, — произнес он хрипло.

Я улыбнулась.

— Что?

Он покачал головой.

— Не знаю.

Я рассмеялась.

Тихо, немного нервно.

Павел тоже улыбнулся.

А потом притянул меня к себе и просто обнял.

Я прижалась щекой к его плечу.

Вот этого мне и не хватало.

Я могла наконец признать.

Мне не хватало его.

Не только мужчины, который помогал решать бытовые проблемы, возил меня по делам и заботился, когда я болела.

Мне не хватало Павла, которого я хотела.

Человека, от одного прикосновения которого у меня до сих пор дрожали руки.

Но вместе с этой нежностью пришел страх.

Я слишком хорошо знала, как легко после такого вечера снова оказаться в прежней жизни.

Остаться у него ночевать.

Проснуться в знакомой спальне.

Утром приготовить кофе.

Потом еще раз.

А через месяц обнаружить, что мы опять не обсуждаем ничего важного.

Я медленно отстранилась.

Павел сразу отпустил меня.

— Все нормально? — спросил он.

Я кивнула.

— Да.

Он внимательно посмотрел на мое лицо.

— Ты испугалась?

Я вздохнула.

— Немного.

Павел убрал руку с моей талии.

Но мою ладонь продолжал держать, пока я сама не высвободила пальцы.

— Прости, — сказал он.

Я удивилась.

— За поцелуй?

— Если поторопился.

Я покачала головой.

— Паша, я сама тебя поцеловала.

Он улыбнулся.

— Это я заметил.

Я почувствовала, как краснею.

— Тогда не извиняйся.

Павел помолчал.

— Хорошо.

Я посмотрела на него.

И вдруг решила, что не хочу заканчивать этот вечер привычным бегством от сложного разговора.

Мы были взрослыми людьми.

Я прожила с ним двадцать четыре года.

Если кто и мог выслушать мою правду, то именно он.

— Паша, давай поговорим.

Он сразу посерьезнел.

— Давай.

Я посмотрела на свои руки.

Потом на него.

— Я хочу тебя видеть.

Павел не двигался.

— Не только на семейных праздниках, — продолжила я. — И не только когда надо вернуть ключи или забрать вещи.

Он медленно кивнул.

Я почувствовала, как у меня начинает гореть лицо.

Почему-то говорить об этом было гораздо труднее, чем целоваться.

— Но я не хочу возвращаться к прежнему браку, — сказала я.

Павел опустил взгляд.

Я подождала.

Он молчал.

— Ты понимаешь?

Он посмотрел на меня.

— Пытаюсь.

Я кивнула.

Это был честный ответ.

Наверное, именно поэтому я смогла продолжить.

— Мне хорошо с тобой. Я скучаю. Я хочу тебя.

Последние слова прозвучали совсем тихо.

Но Павел услышал.

Я увидела это по его лицу.

— Марина...

— Подожди.

Он замолчал.

Я глубоко вдохнула.

— Я не знаю, что из этого получится. И не хочу сейчас обещать, что однажды снова перееду к тебе, начну вести общий дом и все станет как прежде.

— Я тоже не хочу, чтобы было как прежде, — сказал Павел.

Я посмотрела на него.

— Правда?

Он нахмурился.

— Марин, мы ведь развелись. Ты думаешь, я не понимаю, что что-то было неправильно?

— Я знаю, что понимаешь. Но одно дело сказать это сейчас, а другое — жить иначе.

Он долго молчал.

Потом кивнул.

— Справедливо.

Я почувствовала облегчение.

Павел откинулся на спинку скамейки.

Несколько секунд смотрел перед собой.

Потом повернулся ко мне.

— И что ты предлагаешь?

Я невольно улыбнулась.

Вопрос был совершенно в его характере.

Ему всегда хотелось понимать, что делать дальше.

Только сейчас я не собиралась предоставлять готовый план на всю оставшуюся жизнь.

— Встречаться, — ответила я.

Он приподнял бровь.

— Встречаться?

— Да.

— С собственным бывшим мужем?

Я рассмеялась.

— Представляешь?

Павел посмотрел на меня.

И вдруг улыбнулся так, как улыбался много лет назад, когда мы только познакомились.

Немного дерзко.

С заметным интересом.

— То есть я должен снова приглашать тебя на свидания?

Я почувствовала, как у меня теплеют щеки.

— Если хочешь.

Он медленно наклонился ближе.

— Хочу.

Я не отвела взгляд.

Павел смотрел на меня еще несколько секунд.

— Очень хочу, Марина.

От его голоса у меня по спине пробежала дрожь.

Я улыбнулась.

— Тогда приглашай.

Он рассмеялся.

Потом снова стал серьезным.

— А если я хочу большего?

Я поняла, что он спрашивает не только о следующей встрече.

Павел всегда стремился к определенности.

Ему нравилось знать, что женщина рядом с ним, что у них общий дом, общие планы, привычная жизнь.

И я знала, насколько ему трудно соглашаться на неизвестность.

— Тогда скажи мне об этом, — ответила я. — Но не решай за нас обоих.

Он посмотрел на меня.

— Хорошо.

Я помолчала.

Потом сама протянула руку и коснулась его пальцев.

— Только давай честно. Я не обещаю, что мы снова станем мужем и женой.

Павел сжал мою ладонь.

— Я услышал.

— И если тебе это не подходит...

— Марин.

Я замолчала.

Он смотрел прямо на меня.

— Я не хочу сейчас уходить от тебя только потому, что ты не можешь обещать мне будущее.

У меня сжалось горло.

Я опустила глаза.

— Хорошо.

Павел провел пальцем по моей ладони.

— Но и ты должна понимать, что я все еще надеюсь.

Я подняла на него взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.